

АЛЕКСАНДР САНФИРОВ

ФАРМАЦЕВТ 3

Литрес

Фармацевт

Александр Санфи́ров

Фармацевт 3

«Автор»

2023

Санфиров А. Ю.

Фармацевт 3 / А. Ю. Санфиров — «Автор», 2023 — (Фармацевт)

Продолжение истории о попаданце, желающем прожить неожиданно полученную вторую жизнь лучше, чем первую. Посмотрим, как это у него будет получаться. В этой части герой со всей семьей переезжает из Казахстана в Германию...

© Санфиров А. Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Санфиоров

Фармацевт 3

Глава 1

Около семнадцати часов наш роскошный на начало девяностых годов автобус, поколесив по улицам Бреста, наконец, подъехал к таможенному пункту.

Все пассажиры вышли и, оживленно переговариваясь, направились туда.

В основном это были челночники, целью которых было добраться до ближайшего польского рынка.

Таких, семей как мы с Лидой и детьми, навсегда покидающих разваленную Горбачём и Борькой – алкашом страну, в автобусе было немного.

В отличие от нас, уезжавших из Казахстана налегке, многие немецкие родственники моей жены и знакомые отправляли за границу контейнеры с мебелью, кухонной утварью, книгами и прочим дефицитом, накопленным за годы семейной жизни.

Мы же с Лидой на четверых везли два чемодана и три сумки. Все остальное барахло было продано соседям и знакомым. Естественно, по дешевке. Сразу скажу, что пришлось приложить немало усилий, чтобы жена согласилась расстаться с нажитым годами имуществом. Но в сумме за квартиру, машину, и прочее денег набралось прилично. Поэтому Лида особо не свирепствовала.

Однако задекларированная сумма составляла одну десятую от имевшейся. Остальные марки были равномерно распределены по багажу.

Мордатый белорусский таможенник лениво приказал открыть один из чемоданов. Окинув наметанным взглядом, скомканное белье дочек, лежавшее на виду, он вздохнул и предложил убрать чемодан в багажный отсек автобуса. Герда с Яной от укоризненного взгляда матери слегка покраснели.

Мысленно я улыбнулся. Девочки в своем репертуаре. Что делать, подростковый возраст это вам не шутки.

Что же касается таможи, у неё все впереди. Чемоданы открывать перестанут. Появятся рентгеновские аппараты для багажа и проверки на взрывчатку, детекторы металла, многоступенчатый контроль и прочие приبلуды будущего.

Но сейчас на границе никто этим не заморачивался, ведь задача таможенной службы на этот момент была проста – поиметь с пересекающих границу людей как можно больше денюжек в свою пользу, ну и конечно, поделиться с вышестоящим начальством.

Поэтому на нас Лидой таможенник смотрел с кислой мордой, понимая, что с этой немецкой семьей из казахстанской глубинки, одетой как бомжи, ничего взять не удастся.

Закончив шмон сумок челноков и получив от них стандартную мзду, таможенники дали добро на выезд.

– Саша, неужели мы уехали, – шепнула жена, стиснув мой локоть. – До сих пор не верю, что мы едем по Польше и завтра будем уже в Германии.

– Да, милая мы это сделали, но расслабляться не стоит, – также тихо ответил я. – Впереди ждут новые проблемы и трудности, будем надеяться, что мы вместе справимся с ними и начнем новую жизнь.

– Хорошо, что старые проблемы позади, – думал я. – А было их десятки. И все они решались единственным способом, нужно было вложить в широко раскрытые клювики чиновников различного ранга некий денежный эквивалент, после чего появлялась нужная справка, или разрешение.

К сожалению, я прекрасно знал, что в Германии бумажной волокиты будет не меньше, единственно, радовало, что в клювы немецких чиновников не нужно будет вкладывать денежные купюры.

Через час Лида заснула, положив мне голову на плечо. Яна и Герда, сидевшие впереди, оживленно болтали и негромко хихикали. Я же под тихую музыку и шелест шин по асфальту провалился в далекие воспоминания.

* * *

– Стук монотонный колес будет мне петь до зари,
Песню утраченных грез, песню надежду, любви.

Навязчивый мотив крутился в голове, и я никак не мог его выкинуть из неё.

Спать не хотелось совершенно. Все же не каждый день расстаешься с привычной жизнью и бросаешься в никуда. Дурость?

Ну, а как еще назвать мой поступок?

Бросить все имущество, как говорил один герой фильма, нажитое непосильным трудом, родных, друзей и под чужой фамилией ехать в неизвестность на другой конец страны – самая настоящая дурость. В столкновении молодости и опытной старости на этот раз победа осталась за молодостью. Возможно, я еще не раз пожалею об этом.

Вздыхнув, перевернул подушку и уставился в окно. Но в нем кроме темноты ничего не было видно. Изредка мелькали огни на очередном разъезде, и вновь наступала темень. Нервная дрожь понемногу отпустила и ближе к четырем ночи я, наконец, заснул.

В Бологое поезд прибыл под утро. Проводник зашел к нам, чтобы поднять одного из пассажиров храпевшего полночи на все купе, но так получилось, что разбудил всех.

Когда я вернулся из туалета, где приводил себя в порядок после бессонной ночи, в купе соблазнительно пахло салом и жареной курицей. А мои соседи с увлеченно уничтожали бутерброды черного хлеба с салом, запивая их лимонадом «Колокольчик».

– Ты, паренек, вовремя появился, – заявил седой кряжистый мужчина. – Присаживайся поближе, бери сало, хлеб, не стесняйся, будь, как дома. Курицу попробуй, жареная с чесноком, домашняя.

Второй мужчина, скорее всего сын седого, уж очень они были похожи, тоже кивнул головой и подвинулся ближе к окну, освободив место для меня.

Андрей Ильич, так звали старикана, финкой с наборной ручкой нарезал еще сала и вручил мне бутерброд, не дожидаясь пока я, сделаю это сам.

Через полчаса я знал об этой парочке если не все, то очень многое.

В Ленинграде мужики были в отпуске. Андрей Ильич навещал однополчанина и прихватил своего сына, чтобы показать ему город, который он защищал на Невском пятачке.

Жену в рассказе он не упоминал, ну а я и не спрашивал. Сын с отцом работали на металлургическом заводе в Темиртау и очень хвалили свой город и место работы.

Узнав, что я собираюсь на БАМ, Андрей Ильич возмущенно воскликнул:

– Что вам там, на БАМе медом намазано? Неужели нет места лучше?

Да возьми, к примеру, наш городок. Завод большой, рабочие места всегда есть. Общежитие дадут. Конечно, в комнате жить будешь не один, но уж лучше, чем в балке зимой жить и всю ночь буржуйку топить.

– Хм, действительно, а почему бы мне не уехать в Казахстан? – подумал я. – Климат там тоже так себе, но все же не Якутия. Все, меняю маршрут на Темиртау.

В Москве мы со спутниками расстались. У них в планах на ближайшие два дня был Мавзолей, Кремль и прочие столичные достопримечательности.

Ну, а я отправился в кассу менять билет. Недалеко, всего лишь перейти на другую сторону площади трех вокзалов.

В Казанском вокзале сразу чувствуется восточный колорит. Люди в халатах и тюбетейках не редкость здесь даже сейчас в середине семидесятых годов. Ну, а я, поэтому чувствовал себя как на большом рынке. Отстояв огромную очередь, все же удалось купить билет до Караганды.

Замученная кассирша на просьбу продать билет рявкнула:

– Нет билетов ни в купейные вагоны, ни в плацкарт. Сколько можно повторять!

– А куда есть? – спокойно спросил я.

– В мягкий вагон, – уже не так громко ответила женщина. По-моему, она даже мысли не допускала, что я располагаю такими деньжищами.

– Хорошо, давайте в мягкий вагон, – сообщил я.

Стоявший сзади меня мужчина удивленно выругался. Видимо денег на мягкий вагон у него не было.

В прошлой жизни мне не довелось прокатиться в мягком вагоне, поэтому я сейчас с интересом разглядывал его интерьер.

Сколько лет было этому вагону, не знаю, но наверно много. Больно потрепанными выглядели мягкие диваны в коричневых чехлах в огромных купе, раза в полтора больше, чем в обычных купейных вагонах.

Со мной в купе ехали два солидных мужчины. По виду солидные начальники. Заскочили они в вагон уже перед самым отправлением. Еще одна верхняя полка так и осталась пустой.

На меня соседи обратили не больше внимания, чем на муравья. Сидели и трекали на немецком языке.

Вначале я подумал, что еду с иностранцами, а потом вспомнил, что в Казахстане живут тысячи немцев. Ну, пока еще живут.

Как только поезд тронулся, оба соседа отправились в вагон-ресторан. Об этом они сообщили мне уже на чистом русском языке.

Подумав, через полчаса решил последовать их примеру. За этот суматошный день я здорово устал. Сказывалась еще и нервное напряжение. Я все время ожидал какой-нибудь подлянки. Поэтому, когда два милиционера в зале ожидания попросили у меня паспорт, я здорово испугался. Хотя внешне постарался этого не показать.

Паспорт Александра Ефимова прошел проверку без проблем, и сладкая парочка ментов проследовала дальше в поисках очередной жертвы, оставив меня в раздумьях, была ли проверка паспорта спонтанной, или милиция ищет именно меня.

Когда за окнами исчезли московские пригороды, мандраж несколько утих. Поэтому в вагон-ресторан я зашел практически в нормальном настроении.

Мои соседи по купе сидели вдвоем за столиком, уставленным тарелками и почти пустым графинчиком водки. Меня они узнали и сразу пригласили к себе за стол.

Не найдя причин отказаться, я подсел к ним и начал просматривать меню.

Как ни удивительно, но оба немца жили неподалеку от Темиртау, А вот мой вывод об их профессии оказался неверен. Оказалось, что они сельчане. Один из них был директором пригородного совхоза, а второй главбухом.

Узнав, что я еду в Казахстан в поисках лучшей жизни, оба слегка поддавших товарища дружно начали зазывать меня к себе. Особенно, когда узнали, что у меня имеются водительские права категории ВС. Самое интересное, что больше их заинтересовали права на легковой транспорт.

– Александр, – приходи к нам на работу, не пожалеешь, – начал уговаривать меня Рудольф Миллер директор совхоза «Карагандинский». – Я как раз себе водителя ищу на газик, моего в этом году в армию призвали.

– А, как у вас с жильем? – поинтересовался я.

Миллер резко покучнел.

– Ну, общежития у нас, к сожалению, пока нет, строительство только планируется. Но ты можешь снимать комнату в частном секторе. Найдем мы тебе жилье, не переживай. Останешься жить, не пожалеешь. Семья появится, построим тебе дом. Мы хороших работников ценим.

Расспросив немного о характере предполагаемой работы и зарплате, я перекусил и ушел обратно в купе.

Мои возможные будущие работодатели продолжили водкопитие.

Явились они уже ближе к одиннадцати часам, дыша перегаром. Но вели себя тихо, молча разделлись и легли спать. Немцы, что с них взять? Наши бы еще полночи куролесили.

Следующим утром соседи маялись головной болью. Глядеть на их кислые физиономии надоело, поэтому я предложил им принять по таблетке цитрамона.

Таблетки сработали отлично. А почему бы и нет. Сейчас для того, чтобы повысить эффективность лекарства мне достаточно доли секунды.

– Никогда не думал, что цитрамон так помогает с похмелья, – удивился Миллер. – Теперь буду знать.

Вскоре проводница начала разносить чай, и мы втроем устроили чаепитие с московскими булочками.

В ходе него второй немец Фридрих Шульц начал понемногу прокачивать меня. В отличие от своего начальника он был настроен более подозрительно к моей персоне. Видимо должность главбуха способствует подобной паранойе.

– Александр, простите, мне не очень понятно ваше намерение переехать на новое место жительства, если нетрудно поясните для чего это вам? Возможно, от алиментов убегаете?

– Фридрих, тебе не кажется, что это не твое дело, мало ли какие проблемы у парня? – заметил Миллер.

Главбух посмотрел на своего начальника, вздохнул и... ничего не сказал.

Повернулся ко мне, ожидая ответа.

– Ничего страшного, – заметил я в ответ на слова Миллера. – Вполне нормальные вопросы при устройстве на работу.

Могу сказать, что до вчерашнего дня я о Казахстане и не думал. А собирался отправиться на стройку БАМа. Но мои вчерашние попутчики так рассказывали о вашем городе, что я решил для начала съездить туда и лишь потом решить, оставаться, или все же уехать на БАМ.

От Шульца тут же последовал закономерный вопрос о вчерашних попутчиках, так ратующих за свой город.

На мое счастье, фамилия Андрея Ильича Сивакова для них оказалась знакомой. И на ходу переобувшись, главбух начал доказывать, что работа в совхозе намного выгодней, чем на заводе.

На всякий случай я продемонстрировал свой паспорт, в котором страницы для регистрации брака и детей были девственно пусты.

Шульц удивленно поднял брови, когда я достал из сумки плотную картонную папку с документами. И одобрительно кивнул, когда увидел, что все мои бумаги аккуратно разложены по кармашкам. И даже спросил, не было ли у меня немцев в родне. Пришлось его разочаровать, заявив, что я чистый карел. Оба немца уставились на меня с изумлением, затем Миллер заявил, что на корейца я не очень похож.

Пришлось растолковать им, что в Советском Союзе есть автономная республика Карелия, не имеющая отношения к Северной Корее, и в ней пока еще остаются немногие коренные жители карелы, вепсы и финны.

После этого разговора наши отношения стали более формальными. Что было совсем не удивительным. Из ничем друг другу не обязанных соседей по купе мы перешли в разряд возможных начальников и подчиненных. А это подразумевало совсем другой формат общения.

Собственно, мне были наплевать. Крестить детей с этими товарищами я не собирался.

Кстати, я нисколько не пожалел денег, отданных за билет в мягкий вагон. Просто при посещении ресторана надо было пройти через два плацкартных вагона. После тихого мягкого купе и пустынного коридора, плацкарт встречал громкими разговорами, вонью от носок и детскими воплями. Приходилось невольно ускорять шаг, стараясь быстрее пройти эти метры, задерживая на автомате дыхание, прежде чем войти в тамбур, в котором в сизом табачном дыму активно общались курильщики.

После Челябинска чай, разносившийся нашим пожилым проводником Нурлыбеком, пить стало невозможно, Мои соседи по купе внимание на изменившийся вкус воды никакого внимания не обращали. Меня же от солоноватого привкуса выворачивало наизнанку.

– Неужели в Темиртау придется пить такую же воду? – думал я. – Может, пока не поздно, лучше отправиться на БАМ.

Заметив, когда Нурлыбек заливает воду в титан, я решил провести небольшой опыт, используя свои способности, приложил ладони к баку.

Попытка убрать лишнюю соль из воды полностью удалась. Только уже на второй раз ближе к вечеру, вода потекла из крана тонюсенькой струйкой.

После чего проводник, ругаясь вполне русскими матами, начал чистить забитый солями, кран. К Нурлыбеку даже пришел напарник, и они вдвоем безуспешно пытались понять, что же случилось с титаном, почему именно в нем появились такие солевые отложения.

Хорошо, что ехать осталось совсем немного и проводнику не пришлось повторять такую процедуру. Зато до конца поездки я пил почти нормальный чай. Но, похоже, кроме меня остальным пассажирам изменения во вкусе воды остались незаметны.

К моменту, когда наш состав подошел к перрону вокзала в Караганде, мои соседи по купе были уже при параде, одетые соответственно своим должностям руководителей богатого совхоза. Я тоже собрался и сейчас держал в руках свои скромные пожитки.

Когда мы вышли на площадь перед вокзалом, почти сразу к нам подбежал молодой казах и почтительно поздоровался с начальством. Взял из рук Миллера чемодан и понес его к потрепанному газику со снятым тентом.

Мы последовали за ним.

Когда я забрался в машину, казах проводил меня вопросительным взглядом.

– Он с нами, Сагит, – пояснил мое появление директор. – Поехали в обком, сегодня у нас еще много дел.

Пока мы ехали по городу, я с любопытством оглядывался по сторонам. Увы, никакого восточного колорита обнаружить не удалось. Вполне европейский город с русскими лицами в большинстве.

Портил вид города только дым от множества заводских труб и ТЭЦ. Вдалеке виднелись силуэты терриконов. Все-таки сейчас Караганда в больше степени шахтерский город.

После того, как Миллер около часа провел в обкоме партии, он скомандовал ехать в совхоз. Город Темиртау я так и не увидел, а по неплохой грунтовой дороге, бегущей среди пшеничных полей, мы добрались до цели, совхоза Карагандинский.

– Сагит, доведи нашего гостя до гостиницы, и передай Татьяне Петровне, что я распорядился его заселить, – сказал Миллер водителю, после того как машина остановилась у дома красного кирпича с палисадником с цветущими розами.

Повернувшись ко мне, добавил:

– Завтра с утра придешь в контору, сегодня уже поздно, все разошлись. Поужинать можешь в столовой. Та в двух шагах от гостиницы.

После чего он выбрался из машины вместе с Шульцем. А мы с Сагитом покатали дальше по улице, застроенной однотипными симпатичными домиками. Гостиница оказалась одноэтажным зданием такого же красного кирпича. Дверь в неё была закрыта на висячий замок.

– Я сейчас, – сообщил Сагит и быстрым шагом отправился вдоль по улице.

Долго ждать не пришлось. Вскоре водитель появился в сопровождении пожилой женщины. После чего сел в машину и укатил по своим делам.

Женщина тем временем открыла замок и пригласила меня зайти.

Я думал, что первым делом она начнет проверять мои документы, заполнять какой-нибудь журнал и ошибся.

Мы сразу прошли в номер, представлявший собой комнату квадратов на шестнадцать с четырьмя застеленными кроватями, посередине стоял небольшой стол и четыре стула.

– Вот выбирай, какую хочешь кровать, – сообщила дама. – Ватерклозет в конце коридора, там же умывальник. Вода только холодная.

– А как насчет душа? – поинтересовался я.

– Ну, у вас и запросы, молодой человек, – сухо отреагировала женщина. – В поселке работает баня, ежедневно, завтра как раз мужской день, стоит двадцать копеек.

– Понятно, – вздохнул я, широкий пояс с деньгами, который я вынужден был таскать на себе уже четвертые сутки, порядком меня достал, хотелось его быстрее снять и помыться после поездки.

– Татьяна Петровна, а вы, почему никаких документов у меня не спрашиваете? – задал я второй вопрос.

– А зачем? – удивилась та. – Рудольф Августович распорядился тебя заселить. Какие еще нужны документы?

– Похоже, в гостинице сейчас никто не живет? – заметил я.

– Да, будешь пока куковать в одиночестве, – сообщила женщина. – Через два дня должна делегация по обмену опытом приехать. Человек шесть, так, что скучно не будет.

Одному остаться удалось не скоро. Хозяйка гостиницы не ушла пока не вытянула из меня всю подноготную. К счастью, эту часть своей биографии я продумывал очень подробно, поэтому отвечал не задумываясь.

– Рисковый ты парень, – вздохнув, сообщила собеседница. – На авось отправился не зная, куда кривая вывезет. Признавайся, наверно, от неприятностей удрал?

Разуверять женщину я не стал. Все равно не поверит и будет права.

Однако вскоре Татьяна Петровна сменила репертуар.

– В общем, тебе Саша, повезло, что встретил Рудольфа Августовича. Да нам всем повезло с таким директором. Ты бы видел, что тут лет десять назад творилось. Комбайны сломаны, Коровы в грязи, тощие, молока нет. Люди разбегаться начали.

А сейчас божья благодать, живи и радуйся. Ели ты работник хороший, все будет нормально. Сагит говорил, что Миллер тебя хочет своим водителем взять?

– Вроде бы так, – кивнул я.

– Вот и отлично, – завершила наш разговор женщина. – А сейчас поспеши в столовую, в девять вечера она закрывается.

Вручив мне, ключ от замка Татьяна Петровна отправилась домой, а бодро зашагал в сторону совхозной столовой.

В просторном зале было пустынно. Несколько мужчин в рабочих комбинезонах ужинали и оживленно переговаривались, сидя за сдвинутыми столами.

За стойкой выдачи, стояли две симпатичные девицы в белой униформе и тоже о чем-то болтали.

Мое появление незаметным не получилось. Мужики дружно повернули головы в мою сторону, но почти сразу вернулись к своим тарелкам и беседе. Зато девушки на раздаче резко оживились.

– Добрый вечер! – поздоровался я с ними. – Девушки чем порадуете позднего гостя?

Девчонки точно были не замужние, потому, как сразу застреляли глазками и принялись кокетничать перед незнакомым парнем.

А выбор еды в столовой, несмотря на позднее время, оказался неплох. От бешбармака и шей, до яблочного штруделя. Мне вообще понравилось необычное сочетание немецкой, русской и казахской кухни.

Наложив полные тарелки еды, я в первый раз за трое суток нормально поужинал.

Вернувшись в гостиницу, первым делом закрыл входную дверь изнутри на засов. После этого в номере уселся на свою койку и с вздохом облегчения начал раздеваться. Одежду повесил на стул, а все свои вещи убрал под кровать. Затем отправился в туалет, разделения на М и Ж в нём, естественно, не имелось. Зато были проточная вода и унитаз.

Сполоснувшись до пояса, я почистил зубы и потопал ближе к кровати.

В пустой гостинице стояла мертвая тишина, с улицы тоже не доносилось ни звука.

– Ну, что первая фаза моего бегства завершена, утро вечера мудренее, посмотрим, что будет завтра.

С этой мыслью я удобнее устроился в кровати и моментально заснул.

Глава 2

Как ни странно, после всех своих треволнений и переживаний спал я в совхозной гостинице, как младенец.

За ночь ни разу не проснулся и только определенные требования организма заставили посетить туалет около семи часов утра.

Столовая открывалась с восьми часов, поэтому я со сборами особо не торопился. Однако минут через двадцать раздался интенсивный стук в дверь. Когда открыл дверь, то увидел сердитое лицо Татьяны Петровны.

– Александр, что-то ты вставать не торопишься, смотри, кто рано встает, тому бог подает, – сообщила она, увидев меня в майке и спортивных штанах. – У нас с восьми часов все на работе.

В ответ я пояснил, что мне сегодня спешить не надо. Все равно в конторе работа начинается с девяти часов, так, что времени еще полно.

Пока я объяснялся, женщина времени даром не теряла и сразу принялась греметь ведрами и тазами, а потом приступила к уборке, напевая песню Розы Рымбаевой, этим летом звучавшую по телевизору. Не знаю, для меня дама имитировала бурную деятельность, или на самом деле за ночь соскучилась по работе, мне было не до этого.

Я в это время, закрывшись в номере, с тоской застегивал на себя пояс с деньгами. Признаться, страшновато было его оставлять в сумке, или рюкзаке. Кто её знает эту Татьяну Петровну, вдруг та решит проверить, что там, у постояльца в сумках. К сожалению, вчера вечером я так и не нашел места, куда можно было хотя бы на время спрятать мои капиталы. Придется пока носить с собой.

Вот же проблема на мою голову! Как чемодан без ручки. И тратить нельзя и бросить жалко. Если останусь здесь надолго, придется с деньгами что-то решать.

В столовой с утра было не в пример больше народа, чем вечером. И, тем не менее, я притягивал взгляды всех посетителей. Конечно, когда каждый день видишь в столовой одни и те же лица, новый человек сразу привлечет внимание.

Поставив на поднос омлет и чай с беляшом, начал искать свободное место.

Обнаружив искомое, понесся к нему, пока стул не занял, кто-нибудь другой.

– Тут свободно? – спросил я у сидящих за столом механизаторов в спецодежде.

– Свободно, падай, – сказал один из них.

Пока я расправлялся с омлетом, трое мужиков уже добрались до чая и внимательно разглядывали меня.

– Ты откуда такой нарисовался? – наконец спросил один из них.

– С севера приехал за большими деньгами, – ответил я, улыбаясь.

Ребята дружно рассмеялись.

– Ты парень шутник, однако. Сказки нам не рассказывай, как будто мы в лесу живем, не знаем, какие деньги на севере зарабатывают. Нам тут такие заработки и не снились. Наверняка от алиментов удираешь?

– Да, что вы все с алиментами ко мне пристаёте! – возмутился я. – Такое ощущение, что у вас тут половина мужиков алиментщики.

– Ну, не половина, но хватает, – сообщил мужчина лет тридцати.

На этом наш разговор заглох. Видимо, кто-то из собеседников точно платил алименты. Ребята быстро доели свой завтрак и оставили меня в одиночестве.

До совхозной конторы я шел не торопясь, время не поджимало.

В конторе с утра царил деловая обстановка, никто не курил по углам и не шлялся без дела по коридорам.

Здание были небольшое, поэтому отдел кадров удалось найти без подсказок.

В сумрачном кабинете сидела полная круглолицая казашка. Вполне ничего дама, несмотря на небольшие темные усики в углах рта. Увидев меня, женщина расплылась в улыбке.

– Так и знала, что вы рано придете, – сказала она.

– Деревня, есть деревня, – подумал я. – Вчера к вечеру приехал с директором, а сегодня уже вся контора в курсе, что Миллер очередного работника нашел.

Пока писал заявление о приеме на работу, дама изучала мои документы.

Дурацких вопросов об алиментах и возможных неприятностях на родине, она не задавала.

Я же смотрел, как она крутит в руках права Александра Ефимова, и с легкой тревогой ждал вопрос о трудовой книжке.

Когда его дождался, то с жалкой улыбкой сообщил, что буквально перед отъездом, куда-то засунул трудовую и так не смог найти.

Завкадрами понятливо улыбнулась.

– Александр Петрович, хочу вам сказать, что в нашем совхозе, пьяницы и нарушители трудовой дисциплины надолго не задерживаются, – сообщила она, глядя мне в глаза.

Мысли её легко читались:

– Мол, все с тобой, парень, понятно, уволили тебя по статье, за прогулы, или за пьянство, на работу в твоём городке нигде не берут. И решил ты податься за длинным рублем туда, где никто ничего о тебе не знает. А трудовую книжку с записями спрятал подальше.

Дама же не знала, что мне эта работа не особо нужна. Вот только не работая, спокойно жить в нашей стране не получится. Быстро определяют на принудительные работы за тунеядство. Тем более что инвалидностью мне светить не с руки. Ну, а раз так, то придется трудоустроиваться по любому.

– Ладно, – наконец, улыбнувшись, произнесла женщина. – Примем мы тебя на работу с испытательным сроком, скажем, на два месяца, а там посмотрим.

Я тоже улыбнулся.

– Вроде бы в нашем законодательстве для рабочих испытательный срок не более шести дней.

Уже без улыбки женщина сухо сообщила:

– Александр Петрович, послушайте, трудовую книжку вы якобы потеряли, в паспорте нет графы о выписке с места жительства. Нет листка уведомления. Если бы не настоятельная просьба Рудольфа Августовича, я бы вас вообще не приняла.

Но наш директор настоятельно просил, только поэтому я согласилась оформить вас на работу.

Кстати, если вы себя зарекомендуете себя серьезным, ответственным работником, испытательный срок можно и сократить.

Закончив с документами, Мадина Ермековна, так звали завкадрами, сразу отослала меня в гараж, где с нетерпением ждал моего появления Сагит.

Когда я зашел в длинное здание гаража, народу там почти не было. На вытоптанной площадке перед боксами несколько слесарей возились вокруг трех зерноуборочных комбайнов. Газик директора я заметил издали, около него, дожидаясь меня, уже крутился Сагит, а рядом спокойно стоял высокий лысоватый блондин лет сорока.

Поздоровавшись с ними, я узнал, что это наш главный механик Генрих Шефер.

Флегматичный Шефер долго меня не мариновал. Посадил за руль и предложил прокатиться по поселку.

– Нормально, – заключил он, когда мы вновь подъехали к гаражу. Сагита, там уже не было, Весь при счастье, что ему не надо больше катать начальство, он помогал ремонтиро-

вать свой комбайн, на котором планировал завтра выехать в поле и зарабатывать приличные деньги, а не копейки.

Я же отправился подписывать журналы инструктажа и техники безопасности.

Вот только на шармачка, как это делалось у нас, проскочить не удалось.

Генрих Оттович серьезно относился к проведению инструктажей. Несмотря на то, что он был уже четвертым поколением немцев, родившихся на казахской земле, пунктуальность и въедливость у него никуда не делась.

Однако через полчаса ему позвонил сам Миллер.

Выслушав его, Шефер с недовольным лицом отложил инструкции в сторону и пробурчал:

– Александр Петрович, на сегодня мы закончили, сейчас распишетесь в журналах и подъезжайте на машине к конторе. Рудольф Августович вас ждет у входа. Но завтра я продолжу инструктаж, так, что вы не расслабляйтесь.

Устроившись удобней на промятом жестком сиденье, я завел машину и покатыл за директором.

– Ну, вот и началась моя новая трудовая жизнь в качестве водителя, – думал я автоматом деля перегазовку. Коробка скоростей у газика без этой процедуры категорически отказывалась переключаться на пониженную передачу.

Миллер действительно дожидался меня у входа в контору.

Поздоровавшись, он поставил меня в известность, что поездок сегодня предстоит много, так, что приедем домой ближе к ночи.

В ответ я только пожал плечами, мол, хозяин – барин, а мое дело баранку крутить.

– Для начала поехали в райком партии в Темиртау, – продолжил Миллер, забираясь в машину.

– Только вам придется сегодня работать штурманом, – сообщил я.

– Ничего страшного, – улыбнулся тот. – Я уже настроился.

Миллер оказался прав, домой мы возвращались ближе к вечеру. Накатались по самое не могу. В Питере я только эпизодически выезжал на своем Москвиче, а сегодня за рулем провел часов пять, и руки ныли не по-детски.

Хорошо, что Миллер разрешил не ставить машину в гараж, а ехать сразу в столовую, а потом в гостиницу.

В столовой я оказался последним посетителем, так, что все внимание молоденьких подавальщиц было обращено на меня.

Когда уселся за стол с полным подносом еды, они втроем оживленно зашутукались за стойкой.

Потом одна из них, видимо, самая храбрая, присела ко мне за стол.

– Вы ведь новый водитель Рудольфа Августовича? – спросила она улыбаясь. Эх, а девчонка была хороша! Стройная, светловолосая, как говорится, кровь с молоком. К тому же вполне понимала свою привлекательность.

Если бы моему сознанию, как и телу, было двадцать четыре года, я растаял бы, как снеговик среди жаркого лета.

Я же молча кивнул на вопрос девушки и продолжил справляться с бифштексом. За весь день мы с Миллером лишь раз перекусили в какой-то городской забегаловке. На нормальный обед времени у нас не нашлось.

Девушка, непроизвольно обернувшись в сторону подруг, как бы ища у них поддержки, наверняка, ожидала от меня другой реакции.

Снова повернувшись ко мне, она представилась:

– А меня Варя зовут, я в столовой недавно работаю, весной школу окончила, в институт не прошла по конкурсу, этот год поработаю и еще раз поеду поступать.

– А меня, Саша, я здесь сегодня водителем первый день работал, институтов не оканчивал – в ответ сообщил я.

Мы оба рассмеялись и продолжили разговор.

Варвара оказалась еще той болтушкой.

Пока я ужинал, она успела рассказать море информации. А когда уже собрался уходить, она спросила:

– Саш, а ты придешь на танцы? Они у нас каждую субботу в доме культуры после кинофильма проходят. У нас даже свой ансамбль есть.

– Ну, не знаю, – замялся я с ответом, – вроде бы мне поздновато, уже вышел из того возраста, когда на танцульки бегают.

– Ой! Ерунда, это все! – Варя энергично махнула рукой. – У нас на танцы все приходят, даже мужчины за тридцать лет.

– *Мда, не просто девушка меня уговаривает, – думал я. – Наверняка, хочет своего уха-жера подразнить. А мне совсем ни к чему такие приключения. Хотя, может, она без задней мысли приглашает, это я тут сам осторожничаю.*

– Возможно, и приду, хотя точно не обещаю, – сказал я, прощаясь с местной красоткой.

Как ни странно, в гостинице меня дожидалась Татьяна Петровна.

– Ну, наконец, то явился, – недовольным голосом сообщила она.

– Так получилось, – развел я руками. – Работа у меня ненормированная.

– Да знаю я, – буркнула заведующая гостиницей, завхоз и уборщица в одном лице. – Я чего тут дожидаюсь, нашла я тебе жилье.

– Спасибо за заботу, – без особого энтузиазма поблагодарил я женщину.

А та в это время продолжила рассказывать, как мне повезло, что у подруги вовремя освободилась комната на чердаке и сегодня, пока еще не поздно можно сходить посмотреть мое возможное место жительства.

Идя по темной улице, освещенной тусклыми фонарями, вслед за Татьяной Петровной я думал о том, что еще несколько дней назад жил совершенно другой жизнью. И почему-то совсем не жалел о ней. Странное ощущение, но мне вроде бы начинало нравиться происходящее.

Надо признаться честно, что работа фармацевтом в больничной аптеке мне не нравилась, скучная она была. Сейчас я даже ловил себя на мысли, что возможно интерес ко мне спецслужб послужил просто последним драйвером для моего бегства, и не будь этого интереса, я все равно бы через какое-то время решил коренным образом менять свою жизнь.

Пока я раздумывал над превратностями своей судьбы, мы дошли до нашей цели.

Дом с небольшим палисадником ничем не отличался от десятка других на этой улице и сейчас приветливо светил своими окнами.

– Не отставай, – сказала мне Татьяна Петровна, открывая узорчатую калитку. По выложенной плитками дорожке мы прошли до дверей.

– Цивилизация, – подумал я, глядя, как спутница нажимает кнопку электрического звонка.

Дверь открылась, и я замер от неожиданности. В дверном проеме стояла девушка моей мечты. Не знаю, даже как объяснить, была ли она красива, или нет, но я просто знал, что эта девушка должна стать моей.

Впервые за годы, проведенные в новой реальности, я испытывал такое чувство. Как будто не было долгих лет прошлой жизни, и я, как мальчик, потерял голову при виде красивой девушки.

Пока Татьяна Петровна разговаривала с ней, я продолжал стоять молчаливым столбом.

Наконец, девушка ушла, наградив меня мимолетной улыбкой, и вместо неё в коридор вышла женщина лет сорока.

Ступор, охвативший меня, сразу исчез, и я вслед за спутницей прошел в дом.

Похоже, нас ждали, потому что на столе стоял пыхтящий самовар тарелочки с конфетами, пирожками.

– Ну, Татьяна, Александр, проходите в дом, не стесняйтесь, мы вас заждались, – сообщила хозяйка. Ее дочь стояла за ней, смущенно улыбаясь.

На меня вновь при виде девушки напала немота, но двигаться все получалось, так, что за стол, куда нас усиленно приглашали, сесть мне удалось.

– Давайте знакомиться, – Татьяна Петровна взяла на себя роль переговорщика. – Молодого человека, как вы уже знаете, зовут Александр и тоже Петрович, как и я. Хозяйка дома Валентина Григорьевна Циммерман, ее дочка Лида.

Лида у нас умница. В этом году окончила медучилище и работает фармацевтом в нашем аптечном пункте.

Про отца семейства Татьяна Петровна не упомянула, ну, а я тоже не стал интересоваться, тем более что немота никак не желала исчезать.

Обе дамы заметили мое странное поведение, и если в глазах Татьяны Петровны появились смешинки, то, Валентина Григорьевна нахмурилась.

– Вы, молодежь, тут поговорите, а мы тут кое о чем потолкуем, – предложила хозяйка и, взяв под руку Татьяну Петровну, увела ее в другую комнату.

– Танька, ты кого мне привела в жильцы? – возмущенно прошептала Валентина Григорьевна. – Он нормальный хоть? Как зашел, стоит дурак дураком, только на Лидку пялится, за столом слова не сказал, с нее глаз не сводит.

Мне такой квартирант на фиг не сдался! Проходу ведь девке не даст.

Татьяна Петровна негромко засмеялась.

– Валя, не ты ли мне жаловалась, что твоя Лидка не от мира сего. С работы домой, из дома на работу. Ни на танцы сходить, не с подругами погулять. Только книжки читать мастерица.

А я тебе парня привела на готово. И скажу тебе, парень неплохой. Сама знаешь, у меня глаз алмаз. Я хануриков на раз вычисляю, а этот паренек серьезный. Мадина, правда, говорила, что в армии он не служил, по болезни, но мы же за него Лидку сразу не выдаем, присмотримся сначала. Да и тебе неплохо денежку какую получать. У тебя, как доярки зарплата не шибко большая, а у Лиды вообще копейки.

И женихи к ней в очередь не стоят, сама знаешь почему. Нос сильно задирала, пока отец был жив. Да и сейчас ходит по поселку, как будто главным врачом работает, а не аптекаршей.

Когда мы остались вдвоем, за столом наступило неловкое молчание. К этому времени ступор мой испарился, но я никак не мог понять с чего начинать разговор. Впору было смеяться, уехал от своей профессии, в нее же и приехал.

Наконец, кашлянув, я спросил:

– Лида, так ты в аптечном пункте работаешь, или аптеке.

Разговор сначала не клеился, девушка волновалась, у нее даже красные пятна на щеках появились.

– Надо же! – думал я. – Откуда такая стеснительность? Вроде бы выросла в селе, но затем училась три года в большом городе, работает фармацевтом, а ведет себя, как при домострое.

Однако, вскоре отвечая на мои вопросы о работе, Лида волноваться, практически перестала и увлеченно рассказывала о своей работе и работе амбулатории, в которой находился аптечный пункт.

Глава 3

Надолго остаться с Лидой наедине не получилось. Обе дамы неожиданно быстро закончили свои переговоры, и вышли к нам.

После чего всей компанией уселись пить чай с пирожками. Покончив с чаем, хозяйка повела меня на второй этаж, знакомить с будущим жильем.

Комната оказалась светлая, уютная. В ней даже имелась небольшая чугунная печка, пристроенная к основной кирпичной трубе. Топилась она углем. Валентина Григорьевна заверила, что зимой топить нужно будет всего раз в сутки и угля уходит немного.

Насколько я понял, в комнате раньше жил старший брат Лиды, Герман. Но уже два года, как он женился и уехал в Алма-Ату, решив стать столичным жителем. Как выразилась Валентина Григорьевна, кривя губы:

– Фифа городская сманила.

В общем, комната мне понравилась, тем более что я вроде бы обнаружил место, куда можно будет припрятать пояс с деньгами. К сожалению, проверить это не представлялось возможным в присутствии двух теток, активно расхваливающих эти апартаменты.

Так, что мы договорились, что завтра я переезжаю со всем своим скарбом на новое место жительства, и плачу за него пятнадцать рублей в месяц.

С Лидой увидеться больше не удалось. Когда мы поднялись наверх, она ушла к себе в комнату и до моего ухода больше оттуда не показывалась.

Обратно я шел один. Татьяна Петровна осталась сплетничать с подругой, отдав мне ключ от гостиницы.

Придя к себе в номер, первым делом поставил чайник. Хотелось просто посидеть в одиночестве за чашкой чая. Неторопливо отпивая чай в прикуску с кусочками рафинада, мысленно возвращался к разговору с Лидой Циммерман. Никак не мог понять, чем эта девушка буквально околдовала меня. Ведь не было такого у меня ни в прошлой жизни, ни в этой. Магия какая-то!

Но от перспективы жить с Лидой в одном доме настроение резко повысилось.

Спал я снова безмятежным сном младенца, умаявшись за день.

Утром, когда приехал в гараж, меня там уже дожидался Шефер, и под насмешливые взгляды других водителей вновь повел к себе проверить, как у меня в голове уложились противопожарные мероприятия и правила техники безопасности.

По окончании опроса он неожиданно сообщил:

– Александр Петрович, сегодня у нас с утра небольшое собрание, поэтому придется вам задержаться. Рудольф Августович в курсе, не волнуйтесь.

– По поводу чего собрание? – поинтересовался я.

Шефер пожал плечами.

– Плановый техосмотр совхозной техники на следующей неделе. Будем решать вопрос с подготовкой.

– *Хм, неужели у них тут всерьез проводят техосмотры?* – подумал я. – *Да, ну, не может быть!*

Не удержался и задал этот вопрос вслух.

Генрих Оттович поморщился, как будто пригоршню калины съел, и голосом с отзвуком металла произнес:

– Не знаю, как на вашем прежнем месте работы это происходило, но у нас принято готовиться к техосмотру со всей коммунистической принципиальностью.

Честно говоря, я ему не поверил. Очень неестественно звучали его слова, как на партсобрании. Насколько знал из своего опыта, все вопросы в автохозяйствах с ГАИ решались

еще до приезда инспекторов. Деньгами организации с ними практически не рассчитывались. Потому, как наличных денег в эти времена предприятия не имели. Но были другие возможности. Одному гаишному начальнику нужно было привезти пару кубов досок, другому самосвал щебня и тому подобное.

Поэтому плановый техосмотр проводился быстро и четко. Довольны были все, и проверяемые, и проверяющие. Но проверяющие всегда были довольны больше. Еще бы, да, они век должны быть благодарны родному правительству, придумавшему для ГАИ отличный способ, поднять денег, или какого другого дефицита на ровном месте.

– Ну, собрания, так собрание, – согласился я и отправился в большой бокс, из которого для этого дела выгнали два отремонтированных Кировца.

В боксе уже собрались водители, слесаря всего человек двадцать. Все недовольно переговаривались, что было вполне понятно. Шла уборочная пора, все хотели заработать, а тут надо будет три дня готовить технику.

Рядом со мной уселся пожилой слесарь с перемазанными мазутом руками, хотя на его роскошных усах пшеничного цвета, не было ни грязинки.

Я ему тихонько задал тот же вопрос, что и главному механику.

Слесарь ехидно ухмыльнулся.

– Да, ты не бзди, парень, все будет абгемахт, как всегда. Ты сам подумай, начальству надо же видимость создать подготовки, типа мы уважаем гражданскую автоинспекцию. Кстати, у тебя в машине двигатель масло гонит с задней набивки, и с сальника картера заднего моста. Ты подтёки перед осмотром протри на всякий случай.

А то в прошлом году на одного проныру-общественника масло из картера заднего моста на комбинезон хорошо так капнуло, так он развонялся на весь гараж. Еле уговорили потом инспектора, штамп поставить.

Я, конечно, поблагодарил за совет, но то, что двигатель у меня хорошо кушает масло, я и сам знал прекрасно. Уже вчера во время поездки переговорил по этому поводу с директором, но тот махнул рукой.

– Александр, – пока ничего делать не надо. В конце месяца на совхоз придет двадцать четвертая Волга с ноля, так, что ей и займешься, а двигатель с газика отправим на капиталку.

Слова Миллера меня обрадовали. На «Волге» работать было бы не в пример комфортней. А старичок шестьдесят девятый пусть временно отдохнет.

После собрания заправил машину, пофлиртовал с заправщицей Ангелиной и направился к конторе, где уже ожидал начальник.

Сегодня директор не задавался целью загонять меня, как вчера. До обеда мы с ним прокатились на дальние пастбища, где был организован летний лагерь для телят. После обеда работы у меня практически не было, так, что я поехал в гараж, чтобы немного заняться машиной. Ведь техосмотр через три дня никто не отменял.

Когда зашел в один из боксов, откуда доносились азартные крики, увидел, что слесари азартно рубятся в домино. Те, кому не хватило места за столом, стоя комментировали игру.

Увидев меня, некоторые автоматом бросили взгляды на часы, висевшие на стене. До конца обеденного перерыва оставалось еще пятнадцать минут, так, что игра продолжилась.

Я немного постоял за компанию, а затем начал выяснять вопрос, куда загнать машину для техобслуживания.

К окончанию рабочего дня я ничем не отличался от слесарей из соседних боксов. То есть, был грязен до невозможности. Судя по всему, временные водители заботой о машине директора себя не утруждали.

Душ, к моему удивлению, в гараже присутствовал, вот что значит немецкий ордунг.

Отмывшись до скрипа хозяйственным мылом, оделся и направился в гостиницу, забрать свои вещи и сменить место жительства.

Валентина Григорьевна встретила меня с озабоченным видом. Хотя её вполне можно было понять. Не каждый день пускаешь к себе жильца. Тем более страшно, если это делаешь в первый раз.

Учитывая это обстоятельство, я приложил все усилия, чтобы расположить к себе хозяйку.

В принципе, это было нетрудно. Два, три комплимента вовремя сказанные еще не старой женщине, и она уже улыбается вместе со мной. Так, с улыбками и прошло мое заселение.

Сложив свои немудреные пожитки около кровати, я спустился вниз.

К этому времени Лида тоже пришла домой. Поэтому ужинали мы втроем. Я хотел пойти в столовую, но меня легко уговорили этого не делать.

За едой мы понемногу изучали друг друга. Вчера с говорливой Татьяной Петровной сделать этого не удалось. Зато сейчас Валентина Григорьевна взяла реванш и выкладывала все местные новости и прочие полезные сведения. Так я узнал, что в поселке есть своя прачечная самообслуживания, в которой можно постирать белье. Баня, работающая с одним выходным в понедельник, и свое сельпо, в котором своим работниками молочные продукты продают со скидкой.

Когда речь зашла об амбулатории, Валентина Григорьевна обратилась к дочери, молча слушавшей её болтовню и постоянно проверяющей, застегнута ли верхняя пуговица её домашнего халатика.

– Лида, что все молчишь? Расскажи хоть что-нибудь о своей работе.

– Ну, мама! Ты же сама все знаешь! Вот и рассказывай, – воскликнула девушка и гордо удалилась к себе, сверкнув в открывшихся полах халата симпатичными круглыми коленками.

– Ну, вот и поговорили, – развела руками хозяйка, однако огорчения на её лице явно не проглядывалось, хотя мой взгляд на коленки дочери она явно не пропустила.

Шли дни, я понемногу знакомился с товарищами по работе, жизнь вошла в привычную колею. Лида меня больше не дичилась, мы с ней вполне поладили. И по вечерам частенько засиживались за столом, болтая о всякой всячине.

Через две недели мы с директором и главным механиком отправились в Караганду за новой машиной. На спецавтобазе, куда поступали эти машины, было оживленно. Получали автомобили не только наш совхоз, но еще несколько директоров предприятий и гараж обкома партии. Рудольф Августович чувствовал себя на базе, как рыба в воде, свободно общался с начальством спецавтобазы, сплошь состоявшей из казахов. Что же делать, титульная нация рулит. Большинство лакомых мест занимают её представители. Притом казахи ухитрились даже себя поделить на жузы, в которых представители среднего жуза становились баями и правителями. Ну, а в Советском Союзе они служили в ГАИ, работали в обкомах и райкомах. И только после приобретения независимости снова захотели стать баями.

Для меня все эта дележка представляла чисто академический интерес, я прекрасно помнил, что случится с Советским Союзом через пятнадцать лет, и не планировал оставаться в Казахстане после его выхода из состава Союза. А сейчас главное, решить проблемы с документами и встроиться в местную жизнь.

Ну, а пока мы с Шефером тщательно осматривали наш автомобиль. Практически сразу обнаружили полное отсутствие инструмента, указанного в перечне, не было и домкрата. Колпачки на колесах были скручены, вроде бы мелочь, а где их сейчас взять? В остальном, вроде бы, машина оказалась без особых изъянов. А главное выпущена, судя по штампу ОТК 7 августа. По опыту мы прекрасно знали, что вещи, выпущенные в нашей стране в конце месяца, лучше не покупать.

Шефер сразу побежал искать Миллера. И видимо нашел, потому что ко мне буквально через пятнадцать минут подошел местный слесарь и с недовольным лицом сунул в руки укладку с инструментом и домкрат.

– Постой, постой! – придержал я его, когда тот собрался уходить. – А где колпачки на колеса? Где дворники?

Слесарь опустил руку в карман и вытащил оттуда пригоршню колпачков.

– Подавись, жмотяра! – сообщил он мне, когда я вытребовал от него еще пару ключей, вытщенных из укладки.

В ответ я только улыбнулся. Мне на капризы местных жуликов было наплевать. Главное вытребовать у них все, что положено.

Кстати, наша машина оказалась не самой разукомплектованной. Рядом со мной разгорелся скандал из-за замененного аккумулятора, но больше всего воплей было слышно от водителя районной больницы в его «буханке» местные спецы ухитрились снять передний кардан.

Мы приехали с канистрой бензина и шлангом, чтобы не кататься по заправкам и стоять в очереди, Заправив машину, я, мысленно перекрестившись, повернул ключ зажигания.

– Ну, давай, волжанка, не подведи, – буркнул про себя и тронулся с места.

Как ни удивительно, но доехали мы до гаража без проблем, но на всякий случай Шефер ехал сзади на газике, чтобы в случае чего взять Волгу на буксир.

Следующие пару дней я не вылезал из-под машины, пока не проверил протяжку каждого крепления. И подтягивая очередной не затянутый болт, думал, как нам повезло, что мы без потерь добрались до дома, а не оставили половину подвески в поле.

К концу недели с подготовкой машины я закончил и доложил директору, что можно выезжать на ней без особой опаски.

В первый же выезд тот весь при счастье уселся рядом со мной, но, когда мы выехали из поселка, сразу потребовал передать руль ему.

В общем, мы полдня катались по объектам, а я восседал рядом с директором, в качестве манекена.

Рулить директору быстро надоело, поэтому на следующий день он охотно уступил мне место водителя.

В гараже меня, конечно, поздравили с новой техникой, но никто особо не завидовал. Работяги, как и в армии, держались принципа быть подальше от начальства и поближе к кухне. Но главное дело было в зарплате. Меньше меня здесь, пожалуй, никто не получал. Отсюда и отсутствие зависти.

Поэтому, когда я в день выдачи аванса отошел от окошечка кассы с тридцатью рублями меня проводили сочувственными взглядами.

Однако, когда у тебя припрятано почти четыреста тысяч рублей в съемной комнате под топочным листом у печки, поневоле будешь относиться спокойно к такой несправедливости. Ведь комбайнеры получали в среднем рублей по триста пятьдесят. А водители не меньше двухсот рублей.

Сам же я никаких претензий по этому поводу не предъявлял. Заканчивался только первый месяц испытательного срока, и выступать по поводу низкой зарплаты не стоило. А то могут начаться неудобные вопросы по поводу военного билета. С пропиской же у меня уже было все в порядке. По крайней мере, на год, именно на такой срок, заботами Миллера, мне оформили в РОВД временную прописку по месту жительства.

Валентина Григорьевна, между тем, устраивала мне одно испытание за другим. В первый же выходной, когда я распаренный и благодушный пришел из бани, она поставила стол бутылку водки.

Когда я кинул на хозяйку вопросительный взгляд, она только вздохнула.

– Саша, это я по привычке, мой благоверный всегда говорил, после бани хоть кальсоны продай, но выпей. Так я ему чекушку всегда для этого дела держала.

Благоверный Валентины Григорьевны, Гюнтер Циммерман был директором совхоза до Миллера.

Насколько я понял по рассказам коллег, человеком он был неплохим, но как начальник никуда не годным. В конце концов, районному начальству это надоело и Циммермана на этом посту сменил Миллер.

Бывший директор с трудом перенес такую превратность судьбы и начал понемногу попить. И три года назад умер от инфаркта.

Так, что его вдова на понюх не выносила алкашей. И периодически проверяла меня на это дело. Пока не убедилась, что к алкоголю я равнодушен.

Через какое-то время она завела известную песню. Вечером во время ужина, кидая укоризненные взгляды на дочь, она говорила:

– Лидушка, ну, сколько можно дома сидеть. Только и знаешь дом, да работа. Даже в кино не сходишь.

Повернувшись ко мне, она продолжила:

– Кстати, завтра суббота в клубе покажут кинофильм «Калина красная», очень душевный фильм. Саша, ты тоже домосед изрядный, сходи, развейся, Лиду с собой пригласи, может она с тобой за компанию пойдет. А после фильма танцы.

Лида, возмущенно глянула на мать, но промолчала и осталась сидеть за столом, искоса поглядывая на меня.

– *Понятно*, – подумал я и сказал:

– Действительно, Лида, что-то мы с тобой засиделись дома. В общем, я приглашаю тебя завтра в клуб посмотреть кино. Согласна?

– Согласна, – зардевшись, ответила девушка.

Вот и молодцы! – вступила в разговор Валентина Григорьевна. – Нечего дома сидеть. Гуляйте, пока молодые.

Так что субботним вечером мы с Лидой направились в сторону совхозного клуба. Молодежь, встречающаяся по пути, кидала завистливые взгляды в мою сторону. Это было понятно, слегка поношенный джинсовый костюм с лейблом Монтана был в середине семидесятых пределом мечтаний сотен тысяч парней и девушек, а здесь в сельской глубинке вообще редкостью.

Валентина Григорьевна, увидев меня в этом костюме, наморщила нос. Зато Лида была в восторге.

– Мама, ты вообще ничего не понимаешь, совсем от жизни отстала. Это же американские джинсы! Саша, а мне ты такие можешь достать?

Глава 4

Мысленно я улыбнулся. Естественно, я не собирался объяснять девушке, что она ошибается, и джинсы никакого отношения к Штатам не имеют.

Вслух же пришлось признаться, что достать такие штаны для неё, не получится.

– Лида, ну подумай сама, – я пожал плечами. – Я здесь живу без году неделя, никого не знаю, и меня никто не знает. Джинсы эти купил с рук в Ленинграде. Знал бы, что встречу такую замечательную девушку, обязательно бы купил такой костюм и тебе.

– Ты, действительно, считаешь меня замечательной? – на полном серьезе тут же спросила Лида.

Вот, как бы отреагировала на мои слова другая девушка. Она могла бы смущенно покраснеть, или недоверчиво улыбнуться.

А Лиде нужно было убедиться, что эти слова не просто комплимент.

– Конечно, – убежденно повторил я. – Ты даже не догадываешься, какая ты замечательная.

На лице Валентины Григорьевны, делавшей вид, что не прислушивается к нашему разговору, появилось удовлетворенное выражение.

Я давно заметил, что она совсем не против моих ухаживаний за дочерью.

Ну, а что? Валентина Григорьевна женщина в самом соку, и могла бы вполне найти себе нового спутника жизни. Её сын давно покинул отчий дом, а если его покинет дочь вместе с зятем, то можно уже вплотную заняться поиском нового мужа.

В общем, под завистливые взгляды молодых парней мы продвигались в сторону клуба.

Когда я с девушкой уселся в кресла в зрительном зале и свет начал понемногу гаснуть, странное чувство охватило меня.

В этой жизни, так уж получилось, я не влюблялся. Видимо давали себя знать прожитые десятки лет. Как там, у Александра Сергеевича:

*Но в возраст поздний и холодный,
На повороте наших лет
Печален страсти мертвый след*

И, в общем, так и было. За студенческие годы в моей квартире побывали немногие подруги, но ни к одной из них не возникло чувство любви. И я уже думал, что не смогу испытать его вновь.

А сейчас я сидел и чувствовал, что волнуюсь, как юноша. Как будто в первый раз пришел в кино и сейчас, набираюсь смелости забрать ладошку девушки в свои руки. Что я, собственно, и сделал.

Фильм мне не понравился, в той жизни смотреть его не довелось, а после сегодняшнего просмотра решил, что и к лучшему, зато моя спутница, достала из сумочки кружевной платочек и периодически вытирала слезинки, шмыгая носом.

После окончания кинофильма никто не расходился, большинство присутствующих плавно перетекли в фойе, где уже звучали аккорды настраивающегося ансамбля.

Молодежь в основном толпилась у сцены, а люди постарше, расселись на стульях у стен и приготовились наблюдать за происходящим.

Краем глаза я заметил Валентину Григорьевну, они с Татьяной Петровной сидели рядышком и оживленно болтали, наверняка, сплетничая про всех, кто попадался на глаза.

Лида же явно нервничала, тискала в руках свой ридикюль и старалась спрятаться за меня.

– Саш, может, мы домой пойдём? – в какой-то момент тихо спросила она.

– Ну, пойдем, если хочешь, – так же тихо ответил я. – Не поделишься, что тебя беспокоит? Делиться своими переживаниями девушка не стала, но и на уходе больше не настаивала. А когда заиграла музыка, нервозность у нее стала не так заметна, чем я не преминул воспользоваться и пригласил её на танец.

– Неужели ты никогда не ходила на танцы? – я не удержался от вопроса, все же чувствуя, что напряжение её не отпускает.

– Ну, в школе пока училась, ходила на вечера, – ответила девушка, старательно держась от меня на пионерском расстоянии.

– А в училище?

– Во время учебы я жила у тетки, та меня после восьми часов из дома не выпускала, – откровенно призналась Лида.

Танец закончился, и мы с девушкой встали ближе к стене. Что-то меня клубные танцы пока меня не вдохновляли.

– Нет, все-таки в одну и ту же воду дважды не зайти, – думал я, глядя на танцующую молодежь. – Пойти домой, что ли?

– Белый танец, приглашают дамы! – объявил клавишник из оркестра.

На другой стороне зала я заметил нескольких девушек из столовой. Они оживленно переговаривались и периодически поглядывали в нашу сторону. Не дожидаясь, начала танца, ко мне решительно направилась Варя Сидоркина. Та с первых дней моего появления в столовой, оказывала знаки внимания, и даже безрезультатно приглашала на танцы.

Пока раздумывал, как поступить, она подошла к нам и, улыбаясь, заявила:

– Саша, я приглашаю тебя на танец.

Обижать отказом девушку не хотелось, поэтому пришлось принять приглашение, что же делать, если девушка, с которой ты пришел, тебя не пригласила танцевать.

Варя во время танца без особых сомнений закинула мне руки на шею и прижалась всем телом.

– *Ого!* – мысленно воскликнул я. – *Вот это я понимаю раскованность!*

Девушка молчать не собиралась и принялась усиленно щебетать, рассказывая, как она рада, что я, наконец, решил выйти в свет, пусть и с такой букой, как Лида Циммерман. И усиленно стреляла глазками, как бы показывая, что она то совсем не бука.

А Лида, тем временем, с независимым видом стояла в одиночестве у стены.

– *Неужели у неё совсем нет подруг?* – подумал я. – *Так же не бывает.*

Танец закончился, я проводил Варю на место и вернулся к Лиде.

Та ничем не показала, что сердится за белый танец. Что меня немного задело. Могла бы для вида хотя бы слегка приревновать, все-таки мы парой пришли в клуб.

В одиннадцать часов ансамбль свою работу завершил, и народ стал расходиться. Те, кто постарше ушли намного раньше, удовлетворив свое любопытство. Так, что Валентины Григорьевны в компаньонах сейчас не было.

Как ни странно, танцы обошлись без драк, что меня немало удивило. Не исключено, потому что большинство посетителей были немцами. Недаром в отдельные моменты я чувствовал себя в клубе иностранцем из-за немецкой речи вокруг. Многие разговаривали на причудливой смеси немецкого и русского языков. Матерились только отдельные личности, изредка и на чистом русском языке.

Не такой уж большой был поселок, так, что вскоре мы дошли до дома.

Постояв немного у калитки, зашли домой. Осень уже вошла в свои права, и на улице изрядно похолодало.

Валентина Григорьевна уже лежала в своей комнате, откуда нам сообщила, что ужин в духовке, и мы можем перекусить перед сном.

Мы ели остывшую курицу и молча смотрели друг на друга. Может быть, если бы не Валентина Григорьевна, я бы пригласил девушку, наверх, к себе, хотя бы просто поговорить. Но на кухне, когда за дверью еще не спала, возможно, будущая теща, разговор у нас не клеился. Так, что, пожелав друг другу спокойной ночи, мы разошлись по своим комнатам.

* * *

Зима, как всегда, пришла неожиданно. Но на частоту поездок моего начальника выпавший снег не повлиял. После того, как мы на Волге пару раз буксовали на ровном месте, Рудольф Августович приказал, снова пересечь на газик, а Волгу заводить только при поездке в город.

К этому времени двигатель уже прибыл из капитального ремонта и установлен на место. Единственно, старый тент был в жутком состоянии, я пытался его зашивать, но ветхий брезент тут же рвался в новом месте.

Шефер, как-то раз, глядя на мои старания, сообщил:

– Могу подсказать, где можно взять новый тент.

Я, как раз здорово наколол палец швейным шилом, и со злости выругался.

– Генрих Оттович, третий день смотрите на мои мучения, могли бы давно сказать. Кстати, на складе такого тента нет, я у Кайрата Адамовича уже спрашивал.

– Да я только вспомнил, – смутился главмех. – Понимаешь, пару лет назад в нашей амбулатории списали такой же газончик, а новый тент для него главный врач зажилил. У них сейчас две буханки на скорой помощи, и тент им ни к чему. Можешь у него поклянчить.

– Так, может, вы и попросите, Генрих Оттович, кто я, и кто вы. Вам то он быстрее согласится отдать тент, чем мне.

– Понимаешь, тут сложно все, – Шефер неожиданно смутился. – У нас с Токишевым непростые отношения.

Я понимающе кивнул. Ясное дело, что-то не поделили товарищи начальники, а у холопа, то бишь меня, чуб трещит, ну, или тент расплзается.

Вечером во время ужина я, как бы случайно спросил у Лиды, что она думает о своем главном враче.

В ответ получил восторженное описание доктора-подвижника, не щадящего сил и времени на помощь больным людям. Зная за Лидой склонность к преувеличениям, полностью доверять её словам не хотелось. Однако Валентина Григорьевна во время рассказа дочери согласно кивала головой, так, что, похоже, Айдын Агаевич главный врач амбулатории был мужчиной, весьма примечательным.

Так, что на следующий день, я отправился пешком вместе с Лидой в сельскую амбулаторию.

Здание амбулатории я заметил еще в первые дни жизни в поселке. Приземистое, деревянное здание, здорово выделялось среди типовых кирпичных домиков местных жителей.

Когда мы с девушкой подошли к нему, около входа уже толпился народ. Лиду узнавали, приветливо здоровались. На меня же посматривали с недоумением. Не так много прожил я в совхозе, чтобы меня сразу узнавали.

Хотя среди ожидающих открытия уже слышались шепотки.

– Миллеровский водитель это, за Лидкой ухлестывает.

Мне шепотки были по барабану, а вот спутница слегка порозовела.

– Ну, все, я пошла к себе, – Лида махнула рукой в сторону бокового входа, над которым висела вывеска «Аптечный пункт». – А ты подожди пять минут, сейчас санитарка тетя Клара дверь откроет.

Действительно, пяти минут не прошло, как дверь амбулатории открылась, и народ ринулся внутрь, на ходу разбираясь, кто за кем стоял.

– Эх, старые добрые времена, – мысленно вздохнул я. – Люди здесь еще не знают, что такое номерки на прием, и что запись к врачу может растянуться на месяцы. Они уверены, что если что-то случилось, то их примут в тот же день и час.

У входа я замешкался, пропуская торопыг, которым не терпелось выйти на больничный. Поэтому, когда зашел в длинный коридор с выходящими в него дверями кабинетов, очереди уже определились и теперь все заинтересованно наблюдали за мной, к кому из медиков я собираюсь обратиться.

Разочаровав наблюдателей, я прошел к кабинету, на котором была прикреплена скромная табличка с надписью «главный врач Токишев Айдын Агаевич».

Постучав и услышав разрешение, я зашел в кабинет, где на меня вопросительно уставился симпатичный казах лет тридцати, по виду типичный светлый представитель средней орды.

Поздоровавшись, я объяснил причину своего появления.

Айден Агаевич, кивая надетым на голову высоким накрахмаленным колпаком, внимательно выслушал меня, побарабанил пальцами по столу и спросил:

– А чего же Генрих Оттович, сам не приехал, не позвонил, а послал вас?

– Понятия не имею, – честно признался я.

Главврач улыбнулся и сообщил:

– Зато я имею. Ну да ладно, главное, что тент нужен Миллеру, а не Шеферу, поэтому пойдем, посмотрим, что там у нас имеется в наличии.

Когда Токишев встал из-за стола, оказалось, что он еще крупнее, чем я считал.

– Здоровый чертыка, – думал я, следуя за ним по коридору. Пройдя в конец коридора, мы уткнулись в дверь с надписью «Шоферская».

Войдя в неё, мы очутились в сизом сигаретном дыму. За столом сидели три мужичка средних лет и, усиленно дымя сигаретами, играли в карты.

Запах перегара завершал всю картину.

Увидев главного врача, ребята, если их так можно назвать, повыскакивали с мест и растерянно смотрели на своего начальника.

– Так, так, – задумчиво произнес Токишев, – Вейсман, ты, почему еще здесь? У тебя смена давно закончилась.

– Все-все, Айдын Агаевич, – засуетился один из водил. – Уже ухожу.

Он накинул куртку и моментально выскочил на улицу через второй выход.

– Кёлер, подойди ко мне и дыхни, – скомандовал главный врач взъерошенному мужчине с тревожно бегающими глазками.

– Может не надо, Айдын Агаевич?

– Надо, Федя, надо! – ответил последний. Притом произнес он это так, что я даже не понял, то ли водителя действительно зовут Федор, или это цитата.

Федя дыхнул, и запах перегара в комнате резко усилился.

– Свободен, – сообщил ему главврач, – за трудовой книжкой подойдешь к концу рабочего дня.

На последовавшие вопли, и уговоры Айдын Агаевич не реагировал, похоже Федя Кёлер изрядно его достал.

Когда мы остались втроем, Токишев обратился к оставшемуся водителю.

– Ну, что товарищ Романов, объясните, за что вы получаете надбавку к зарплате? За то, что некоторые работники приходят на работу с похмелья?

Романов молчал, разглядывая половицы.

– Ну, что же, у нас опять появилась вакантная ставка водителя, – печально резюмировал главврач. – И что теперь будем делать, как жить? Кто сегодня в ночь будет работать?

– Ну, ладно решим этот вопрос, – вздохнул он. – Сережа, надо с товарищем поделиться, совхоз тент просит от шестьдесят девятого газика, поищи с Александром Петровичем в кладовке.

Сергей Романов, услышав эти слова, с новым интересом глянул на меня.

– Ха! Так ты новый водитель у Миллера! Айдын Агаевич, а вы знаете, что он за Лидкой Циммерман бегаёт?

Токишев поморщился.

– Сергей Валерьевич, какое твое дело за кем он бегаёт, что ты, как баба сплетни разносишь.

Но Романов не умолкал.

– Айдын Агаевич, если тент этому молодому нужен, пусть отрабатывает. Пока ищем водителя, он в ночь через два дня поработает.

– Действительно, – пробормотал себе под нос Токишев и пристально посмотрел на меня.

– Придется тебе Александр Петрович, по-стахановски недельку, другую поработать, пока мы нового водителя не найдем, с оплатой не обидим.

– Не обидите, как же! – подумал я, – знаем мы вашу зарплату, копейки, еще меньше, чем у меня в совхозе. Недаром к вам никто не идет, приходится алкашей держать. Возможно, в скором времени Федю Кёлера назад возьмете.

Вслух этого, конечно, не сказал. Искать тент по базам в городе не хотелось, а три-четыре ночи водителем на скорой помощи меня не сильно напрягут, тем более, обещают заплатить. Будет хоть чем залегендировать перед хозяйкой наличие лишних рублей в кармане. Валентина Григорьевна прекрасно осведомлена о размере моей заработной платы.

Так что пришлось согласиться на предложение поработать, после чего Токишев поспешил на хирургический прием, а мы со старшим водителем Романовым отправились в кладовку за тентом.

Сразу искомое найти не удалось. Романов оказался еще тем Плюшкиным, когда мы открыли обитую оцинковкой дверь, на нас посыпалась куча запчастей разной степени убитости. Но терпение и труд все перетрут, поэтому мы через пятнадцать минут обнаружили свернутый тент. У Сережи Романова буквально дрожали руки, когда он передал этот тент мне.

Еще полчаса ушло на обсуждения графика работы. Как оказалось, лишних телодвижений делать было не нужно. Обе амбулаторные машины находились на совхозном балансе, так, что за отработанные часы мне просто заплатят по договору.

Вроде бы делал все достаточно быстро, а время близилось к двенадцати часам. Поэтому я решил пойти к Лиде в аптеку, чтобы вместе пойти на обед.

В аптечном пункте, когда я туда зашел, ни одного покупателя не было.

Лида сидела за столом и читала книгу.

Я с удовольствием вдохнул запах лекарств и сушеных трав и понял, что соскучился по ним.

Вроде бы всего третий месяц, как я расстался с работой фармацевта, а казалось, что прошла целая вечность.

– Ой, Саша, ты зачем пришел? – Лида, увидев меня, поднялась и подошла к прилавку.

– Как зачем, обеденное время на подходе. Пойдем вместе домой, поедем. Валентина Григорьевна обещала сегодня суп с клецками.

Пока Лида собиралась, я жадным взглядом разглядывал полки, прикидывая, какие лекарства можно было бы прибрать и заняться улучшением. Мали ли пригодится когда-нибудь.

С Лидой под руку мы направились в сторону дома, игнорируя взгляды, которыми из окон провожали нас сотрудницы амбулатории.

Глава 5

– Представляешь, я завтра в ночь дежурю на скорой, – сообщил я Лиде, пока мы добирались до дома.

Та удивленно глянула на меня, затем улыбнулась.

– Надеюсь, не врачом?

– Ну что ты, нет, конечно, всего лишь водителем, – улыбнулся я в ответ.

– Понятно, а то мне пришло в голову, вдруг чего– то о тебе еще не знаю.

– *Ой, как же ты много, Лидочка, обо мне не знаешь*, – насмешливо подумал я.

Но тут до Лиды, наконец дошла ситуация и она забросала меня вопросами.

– Саша, а что случилось? Почему Айдын Агаевич тебя взял на работу?

Когда я рассказал, что главный врач уволил Кёлера, она не особо удивилась.

– Федя уже давно напрашивался на увольнение. А ведь мы с профсоюзом только месяц назад взяли его на поруки, он обещал и клялся, что исправится. Вот гад какой!

Услышав о том, что коллектив медработников брал водителя на поруки, я не удержался и громко засмеялся.

– Ну, что ты смеешься, – обиделась Лида. – Коллектив, знаешь, какая сила?

Спорить с ней было бесполезно. Для того чтобы реально посмотреть на вещи девушке не хватало жизненного опыта.

Долго сердиться Лида не могла, поэтому, когда мы подошли к дому, то уже весело обсуждали вчерашнюю телепередачу.

Когда уселись за стол, Лида первым делом выдала:

– Мама, представляешь!? Саша завтра выходит на работу в ночь на машине скорой помощи.

Валентина Григорьевна такую новость без обсуждения оставить никак не могла, поэтому пришлось отвечать ей не на один десяток вопросов. Так что оценить вкус супа с клецками мне не удалось, потому что едва успевал съесть ложку супа перед очередным ответом.

После обеда хотелось бы полежать минут тридцать, но я обещал Миллеру, что тент на машину пристегну сегодня, и даже успею съездить по делам в Темиртау.

На машине съездил в амбулаторию, забрал тент из рук Романова, проводившим его тоскливым взглядом, и снова отправился в гараж.

Когда пошел второй час бесплодных попыток натянуть тент, я подумал, что вчера дал директору опрометчивое обещание. Этот долбаный газик, похоже, побывал не в одной аварии и если внешне их следов заметно не было, то при попытке натянуть тент, все щели и огрехи вылезали наружу.

– Кувалда в помощь, – сказал один из слесарей, наблюдающий за моими страданиями. Понятно, что этот слесарь точно не был немцем, его все по-простому звали Васёк. И сейчас он протягивал мне здоровенную кувалду.

Тут, как назло, пришло время появиться Шеферу.

– Вы с ума сошли, кувалдой машину хреначить! – заголосил он. – Вон трактор стоит. Заведите его и вытяните тросом борт. А дверь надо снять и под прессом выпрямить.

– Мда, похоже, в Темиртау мне сегодня не попасть, – подумал я, когда затрещал пускач Белоруси.

Сам же в это время откручивал петли передней левой двери, именно между ней и бортом образовалась щель сантиметров в пять. Пока тента на машине не было, с этой дыркой можно было мириться. Но зимой именно в неё будет дуть не по-детски, да еще набиваться снежная пыль.

После того, как трактором вытянули борт кузова и переднюю стойку, тент встал, как по заказу и мы пристегнули его за пятнадцать минут.

За это время на прессе убрали вмятину на двери.

Когда я уже заканчивал с её установкой, в боксе вновь появился Генрих Оттович, таща в руках какую-то запчасть.

– Вот держи, от сердца отрываю, – сказал он, протягивая мне вентилятор от Москвича. – Сегодня уже некогда, а завтра займись установкой. Иначе, сам понимаешь, в машине будет тепло только на ходу.

Поблагодарив, я закинул вентилятор за заднее сиденье. Мне, как-то в голову не пришло, что у машины может не быть вентилятора в печке, и я понятия не имел, как его устанавливать.

– Ай, ладно, – подумал я. – *Завтра стоит только поставить машину в бокс, снова советчиков набегит, даже спрашивать ничего не надо, наперебой будут рассказывать, как вентилятор на печку установить.*

А пока в газике было не кайф. Выше семидесяти градусов температура в двигателе не поднималась, и на скорости сорок километров в кабине особого тепла не чувствовалось.

После теплой, комфортабельной Волги, было неуютно, казалось, изо рта шел пар при дыхании. А на лобовом стекле прозрачными оставались лишь два небольших полукруга, куда попадал теплый воздух из печки.

Но ехать в поездку все равно пришлось.

– Ну, что ж, назвался груздем, полезай в кузов, – думал я, возвращаясь в темноте из Темиртау, куда ездил за какими-то бумагами. Миллер со мной не поехал. Тот еще хитрец, знает, каково в этой машине кататься по казахскому морозцу. К вечеру дорога подмерзла, и скорость можно было прибавить, так, что в кабине потеплело, и я даже расстегнул пуговицу на полушубке.

– *Если снега в ближайшие дни не будет, наверно директор захочет снова передвигаться на Волге, что было бы совсем неплохо.*

С такими мыслями я заехал в гараж и, подставив под двигатель и радиатор, тазы, открыл краники слива воды. Выплеснув воду из тазов на улицу, пошагал в сторону дома.

На следующий день все произошло, как я предполагал, с утра мы отправились с Миллером в Караганду уже на «Волге».

По расчищенной трассе можно было держать скорость под сотню, но я не рисковал и ехал не больше восьмидесяти.

– Александр, послушай, – неожиданно обратился ко мне директор. – Мне вчера Айдын Агаевич позвонил, поставил в известность, что ты согласился дежурить на скорой помощи, спрашивал, не буду ли я возражать.

– Ну, да, было такое дело, – подтвердил я. – Уговаривал усиленно, пришлось соглашаться.

Уточнять, по какой причине согласился на эту работу, я не стал. Но тут Рудольф Августович меня удивил.

– Знаешь, – задумчиво сказал он. – В принципе, я был бы не против, если бы ты перешел работать постоянно на машину скорой помощи. У нас там текучка жуткая. Никто идти туда не хочет из-за зарплаты.

– Тогда чего же меня вы уговариваете идти на сменную работу с невысокой зарплатой? – буркнул я.

В ответ Миллер доброжелательно заметил:

– Ну, заработок в амбулатории у тебя будет, пожалуй, на треть выше, чем сейчас.

Мы ехали молча еще несколько километров, когда он решил прояснить ситуацию:

– Понимаешь, Федя Кёлер, сын моего старого приятеля. Тот мне звонил сегодня, просил, чтобы не ломали парню жизнь, он надеется, что если Федор будет под ежедневным контролем, то перестанет напиваться.

Так, что если ты согласишься перейти в амбулаторию, то я приму Кёлера своим водителем. Посмотрим, может, из этого получится что-то толковое.

Правда, особой уверенности в голосе директора не прозвучало.

Вскоре мы въехали в город. Пока Миллер ходил по своим делам, я слушал Маяк на средних волнах и сидел в раздумьях.

Опять жизнь меня ставит перед выбором. Как бы не пытался уйти в сторону, все равно снова и снова попадаю ближе к медицине.

– Ну, что надумал? – спросил Миллер, когда ближе к вечеру мы направились в сторону дома.

– *Создает иллюзию выбора, – мысленно усмехнулся я. – Будто она у меня имеется. Откажусь, начнутся придирки, выговора, проходили мы это уже не раз. Да хрен с ним, где наша не пропадала, поработаю водителем на скорой.*

– Ладно, Рудольф Августович, уговорили, согласен на перевод.

– Вот и отлично! – воскликнул тот, не скрывая удовлетворения. – Завтра заберешь трудовую книжку с приказом о переводе в амбулаторию.

Помедлив, он добавил:

– Не исключено, что Кёлер снова проштрафится, тогда снова возьму тебя на работу.

– *Ну, уж нет, – подумал я. – Умерла, так умерла. Бегать туда-сюда не собираюсь. Если что, соберу манатки и свалю на БАМ, или еще куда. Главное в новую трудовую книжку ненужную статью не заработать.*

О своих мыслях благоразумно сообщать не стал. В принципе для меня изменится немного. Разве что график работы. А так, машины были на совхозном балансе, ремонтировались в совхозном гараже, ну и зарплата слегка увеличится за счет ночных и возможной переработки часов.

Зато завтра не нужно думать, как присобачить вентилятор от печки Москвича в потрепанный директорский газик, пусть им теперь Федя Кёлер занимается.

За ужином о своей новой работе я особо не распространялся, и к восьми часам вечера отправился в амбулаторию.

В здании тускло светились два окна, шоферской, и кабинета, где отдыхали дежурные фельдшера.

Когда я, отряхиваясь от легкого снежка, зашел в шоферскую, там находился уже знакомый мне Вейсман и молодой тшедушный паренек в белом халате.

Они смотрели телевизор и негромко переговаривались на немецком языке.

– О, а вот и смена подошла! – воскликнул Вейсман уже по-русски. – Знакомься, это Михэль, наш санитар, ну, а меня Акселем родители назвали.

Когда мы поздоровались, водитель повел меня в гараж.

В небольшом кирпичном гараже, сделанном с немецкой основательностью на двух смотровых ямах стояли два уаза буханки. Но самое главное в гараже было тепло.

Мое настроение сразу взлетело вверх, о таком подарке я и не мечтал. Идя на новую работу, в мыслях уныло представлял, как встаю по ночам и прогреваю машину, чтобы не замерзла вода, и в любой момент можно было завести УАЗ и поехать на вызов.

– А то! – гордо сказал Аксель. – У нас в амбулатории своя котельная, заметил, наверно? Котельную то я заметил давно, но почему-то считал, что гараж она не отапливает.

Я посидел в обеих машинах, на всякий случай завел их. Проверил под насмешливым взглядом Вейсмана уровень масла, и палочкой уровень бензина в баке.

После того, он показал и рассказал, что, где находится, мы вернулись в шоферскую.

Аксель, как ни странно, домой не спешил, а, достав потрепанную колоду карт, предложил сыграть в дурака, пока нет вызовов.

Михаэль сразу отказался и, засев в старое кресло, неизвестно как оказавшееся в шоферской комнате, начал читать не менее старую книгу. Приглядевшись, я прочитал название «Диагностика и лечение гонорреи».

Поняв, куда я смотрю, Вейсман ухмыльнулся и выразительно покрутил пальцем у виска. После чего заявил:

– Ну, тогда я пошел, а вам желаю спокойно провести ночь.

– Тыфу, на тебя, – в ответ сообщил я. – Никогда так не говори.

Но слово не воробей, оно уже вылетело. Поэтому через минуту к нам ворвалась встрепанная дама в возрасте ближе к сорока и сразу закричала:

– Ты, что ли новый водитель? Заводи машину, на Карагандинской трассе ДТП!

Я надел полушубок, снятый буквально минуту назад, и направился к дверям.

– Ты куда? Укладку забери! – крикнула женщина.

– Гертруда Карловна, ну что вы кричите, – влез в разговор Михаэль. – Сейчас оденусь и возьму. Александр еще не знает, где, что у нас лежит.

Через пять минут мы уже мчались по дороге в сторону шоссе. Выскочив на асфальт, я прибавил газу и вскоре впереди мы увидели проблесковые маячки машины ГАИ.

– А вы не торопились, – такими словами встретил нас гаишник. В ответ Гертруда Карловна завопила, что выехали мы через пару минут после телефонного звонка, так, что нечего гнать пургу. Да, сразу было видно, что наша фельдшер та еще бабенция, палец в рот не клади, откусит моментом.

Покореженный Москвич валялся в канаве, на другой стороне дороги стоял накренившийся КРАЗ, около него туда-сюда ходил поникший водитель, обхвативший себя руками за плечи, то и дело повторявший:

– Ведь на встречку, сука, выскочил, прямо на меня! Нет, вы только послушайте, прямо на встречку, сука!

Милиционеры внимания на него уже не обращали, все внимание было на автомобиле, из которого пытались извлечь пострадавших. Немного в стороне стояла наша совхозная, пожарная машина. Пожарные, раскатав рукав, мирно покуривали, наблюдая за происходящим, типа наше дело сторона, загорится, будем тушить.

С водителем, зажатым на переднем сиденье, все было ясно, труп. Две женщины на заднем сиденье были живы, именно их сейчас пытались вытащить сотрудники ГАИ.

Перелом бедра у одной из них я определил, когда женщину только вытащили из кабины, поэтому тут же выдернул носилки и расправил их на асфальте, после чего притащил шину Дитерихса, пока Михаэль хлопал ушами.

Гертруда Карловна мигом поняла, что новый водитель кое-что сообщает и, получив утвердительный кивок на вопрос:

– Поставить шину сможешь?

Сразу переключилась на вторую пострадавшую.

Я же, прощупав пульс, начал ставить шину. Женщине повезло, что перелом был закрытый, поэтому можно было не делать лишней работы.

Пока занимался шиной, Михаэль достал вторые носилки, куда они вдвоем с Гертрудой уложили другую девушку. Та ударилась головой об переднее сиденье и, похоже, сломала нос, потому, как вместо лица у нее была кровавая маска. Правая рука у нее смотрела не туда куда надо, так, что там без сомнения имелся перелом костей предплечья с приличным смещением.

Фельдшер достала коробочку шприц тьюбиков с промедолом и уколола обеих пострадавших.

– Э-э, вы куда? – крикнул гаишник, когда, погрузив носилки с травмированными в аварии женщинами, мы собрались уезжать. – А этого не заберете?

Он показал на труп водителя в машине.

– Не заберем, – отрезала фельдшер. – Вызывайте труповозку, пусть в судмедэкспертизу сразу везут.

– Ну, с этой бабой работать можно, – думал я, держа курс в областную больницу. – Такая хоть кого на место поставит. Интересно, другие фельдшера такие же решительные, или будут сопли мотать.

– Я смотрю, ты парень бывалый, не скажешь, что первый день на скорой помощи работаешь, – неожиданно заговорила со мной женщина.

– Ну, да было дело, работал немного, – нехотя признался я.

– Вот и отлично, – обрадовалась собеседница. – Много объяснять не придется.

Я кивнул, остаток пути до города мы ехали молча. Фельдшер изредка поглядывала в окошко, как там поживают наши травмированные женщины. Но там за ними пристально наблюдал Михаэль. Так, что мы без приключений добрались до больницы и довольно быстро сдали наших пациенток в приемный покой.

Я уже сидел в машине, когда в кабину забралась Гертруда Карловна.

– Зашла в диспетчерскую, у нас два вызова, довольно удачно, по пути, так, что расслаживаться некогда, поехали, – сообщила она.

– Что за диспетчерская? – не удержался я от вопроса.

– У нас в ЦРБ восемь амбулаторий, в трех из них открыты пункты скорой помощи, а ставок диспетчеров нет, поэтому в центральной районной больнице сидит диспетчер, принимает вызова со всего района и нам передает. Вот так хреново мы живем.

– Понятно, – подумал я. – Вы, Гертруда Карловна даже не представляете, как хорошо живете. Пройдет всего лишь пятьдесят лет и от этих амбулаторий останутся только розжки да ножки в виде пары фельдшерско-акушерских пунктов без персонала, а о скорой помощи вы забудете вообще.

Как только мы выехали из города, Михаэль просунул свою голову в окошко и начал болтать с фельдшером по-немецки.

– Мда, если планирую здесь жить, придется учить язык, иначе буду вечным иностранцем, – думал я пока мои спутники бодро шпрехали на дойче.

– Сейчас будет поворот налево в Новый поселок, смотри не пропусти, – предупредила меня фельдшер.

– Не пропущу, бывал тут уже с Миллером, – ответил я и сбавил скорость.

– Так, ну, где тут двенадцатый дом? – с этими словами я начал поворачивать, торчавший на потолке кабины рычаг верхней фары.

– Ага! Вижу! – воскликнула фельдшер, когда луч света показал нужный номер и вместе с Михаэлем, тащившим укладку быстрым шагом направилась в дом.

Через десять минут санитар вернулся и, взяв еще одну сумку из машины, снова ушел в дом.

Еще через двадцать минут он вышел из дома и подошел ко мне.

– Слушай, Александр, тебя Гроссман зовет, что-то у нее не ладится с электрокардиографом.

Я негромко засмеялся.

– Михаэль, а я, что специалист?

– Ну, ты же ей сказал, что работал уже на скорой помощи, может, что-то волокёшь в этом деле.

Тяжко вздохнув, я заглушил машину и выбрался из кабины. Пойду, посмотрю, вдруг, действительно, что-то смогу подсказать.

Глава 6

Когда зашел в дом, первое, что привлекло внимание, это запах корвалола, казалось им пропитано все вокруг.

На небольшой кухне, куда я попал, выйдя из сеней, за столом сидел пожилой мужчина лет шестидесяти. Вроде бы не очень трезвый. Он глянул на меня равнодушным взглядом и отвернулся.

Шедший сзади Михаэль, нетерпеливо толкнул меня в спину. После этого, я уже без лишних политесов повесил свой полушубок на вешалку у дверей и прошел в комнату мимо непонятого мужика.

Мда, похоже, жители этого дома особой аккуратностью не отличались. Хорошо, хоть запах корвалола немного перебивал ароматы помойного ведра.

В комнате на кровати лежала полная, седая женщина, обнаженная по пояс, на груди у неё чернели присоски с электродами, рядом с кроватью на стуле стоял электрокардиограф, над которым склонилась Гертруда Карловна.

Увидев меня, женщина беспокойно зашевелилась.

– Не вертись! Электроды опять отпадут! – грозно зашипела фельдшер. – Нечего стесняться, не видишь, это наш водитель.

Повернувшись ко мне, она сообщила:

– Саша, понимаешь, никак не могу снять кардиограмму. Все время идут наводки. Прибор трещит, как сумасшедший. Я обычно провод заземления к кожуху печки подсоединяю, а сегодня ничего не получается. Может у вас как-то по-другому наводки убирали?

– Мда, нынче совсем другие времена, – мысленно вздохнул я. – Где вы электрокардиографы, работающие от аккумуляторов?

Наклонившись, взял в руки аппарат. Давненько мне не попадалось на глаза такое старье. Одноканальный аппарат, да еще с чернильницей. Хотя вроде бы сейчас уже есть аппараты, работавшие с термобумагой.

Оглядев его со всех сторон, на всякий случай дернул провод заземления, к моему удивлению, тот выскочил из гнезда без всякого сопротивления. Притом до самого кончика он был в изоляции.

Вид у Гертруды Карловны в этот момент был весьма примечательный. Она сразу поняла, в чем дело, и от возмущения, или стыда резко побагровела.

Я же вытащил из кармана перочинный нож, зачистил конец провода и, воткнув в гнездо, закрепил его болтом.

– погоди, не уходи, – буркнула фельдшер, видя, что я направился к двери. – Сейчас еще раз попробую снять ЭКГ, если получится, тогда можешь идти.

– А что случилось? – тихо спросил я у Михаэля. Тот пожал плечами.

– Боли беспокоят в области сердца, давление высокое, – также шепотом ответил тот.

Гертруда недовольно покосилась на нас, и мы замолкли.

На столе, у которого мы примостились, кучкой лежали таблетки. В основном от давления. «Раунатин», «Резерпин» и «Допегит».

Я начал машинально перебирать их, когда озорная мысль пришла в голову.

В это время заработал электрокардиограф и на пол начала опускаться записанная лента.

Фельдшер через минуту выключила аппарат и удовлетворенно вздохнула.

– Наконец сняла без наводок, – сообщила она и принялась разглядывать кардиограмму.

По выражению её лица можно было ясно понять, что все зигзаги на ленте для нее филькина грамота. Но это было понятно для меня. Для больной старушки и Михаэля знания Гертруды Карловны оставались высшей математикой.

– Инфаркта нет, – громко заявила фельдшер. – Завтра утром дам посмотреть пленку Айдын Агаевичу, тот скорректирует вам лечение.

Убрал электрокардиограф, она начала набирать в шприц магнезию и одновременно мотнула мне головой в сторону двери, мол, сделал дело, давай на выход.

– Может, стоит дать больной таблетку «Раунатина»? – робко предложил я, встав со стула и держа в руке флакончик с таблетками. – Хуже ведь не будет.

– А, действительно, давай их сюда, – буркнула фельдшер и забрала у меня флакон.

Выйдя из дома, я с удовольствием вдохнул свежий воздух. После душняка в комнате он показался необычайно бодрящим.

Я даже сразу не полез в машину, а походил по расчищенному от снега двору.

Лишь когда кончики ушей начал пощипывать мороз, забрался в кабину и, заведя двигатель, включил печку.

Первым из дома вышел Михаэль, он принес укладку и электрокардиограф и забрался в салон.

Когда он открыл окошко и просунул голову в кабину, я спросил:

– Ну, как там больная?

В ответ Михаэль разразился целой речью.

– Ты понимаешь, эта бабка, Зеланд, вызывает нас постоянно. У нее давление всегда высокое и ничем не сбивается. Приходится её в больницу везти. Там её уже отлично знают и заставляют пить таблетки при медсестре.

Два-три дня и давление у нее нормализуется.

После выписки она таблетки специально не пьет и недели через две у нее опять гипертонический криз. А магнезию ей хоть делай, хоть нет, как мертвому припарки.

А сегодня, представляешь! Гроссман ей дала таблетку, а потом укол сделала. И сейчас у нее давление, как у молодой.

Тут Михаэль ехидно засмеялся.

– А она уже вещички в больницу собрала, хрен ей, а не больница!

Еще через пять минут к нашей компании присоединилась фельдшер. Видно было, что ее распирает от желания поделиться впечатлениями от оказания помощи бабушке Августе Зеланд, но с кем делиться? С санитаром и водителем?

Так, что она оставила свой рассказ до встречи утром с коллегами.

На третьем вызове Гертруда Карловна не задержалась, быстро разобравшись с температурающим ребенком.

Когда в первом часу ночи мы добрались до амбулатории, машину в гараж я поставил только после того, как фельдшер позвонила в диспетчерскую и оттуда сообщили, что вызовов пока нет.

– Ты случайно не храпишь? – поинтересовался Михаэль, укладываясь на разобранное кресло.

– Вроде бы нет, – ответил я, укладываясь на жесткую кушетку и накрываясь своим полусубком.

Гертруда Карловна отдыхала в одиночестве в своем кабинете, на мягком диване рядом с телефоном.

Но для начала она во всеуслышание пообещала разобраться с сучкой, Алькой Снегиревой, фельдшером, последней пользовавшейся электрокардиографом и прикрутившей к прибору провод заземления в изоляции.

Как ни странно, до утра вызовов больше не было. Я такого не ожидал, обычно в первый день работы на новом месте на меня наваливалась целая куча проблем, а тут, понимаешь, все спокойно.

В общем, сдав машину Сергею Романову, я отправился прямиком в отдел кадров совхоза.

Мадина Ермековна увидев меня, приветливо улыбнулась.

– Александр Петрович, я хоть вас так рано не ждала, но у меня все готово. Получите вашу трудовую книжку и больше не теряйте. – Не удержалась она от подколки.

Я же внимательно прочитал приказ о переводе, проверил оттиск печати и только тогда расписался в журнале о том, что получил книжку на руки.

– Хм, ты прям, немцем заделался, – заметила Ермековна, – Такой же педантичный, от Рудольфа Августовича что ли набрался?

Забрав трудовую книжку, я отправился обратно в амбулаторию. Отдав документы Токишеву, наконец, пошел домой.

Однако меня привлекли крики и смех, доносившиеся с недавно залитого ледяного поля, на котором гоняли в шарик местные пацаны.

Пройдя ближе к краю, я завистливо смотрел, как они раскатывают по льду, ловко перекидывая шарик друг другу.

– Чего смотришь? Хочешь поиграть? – спросил меня знакомый голос.

– Было бы неплохо, – ответил я, с трудом выплывая из воспоминаний первой жизни, когда играл в бенди за университетскую сборную.

Обернувшись, увидел Васька Петрова, слесаря пару дней назад вручавшего мне кувалду. Сейчас тот задумчиво дергал себя за ухо.

– Слушай, ты серьезно говоришь, или шутишь? – спросил он, о чем-то размышляя.

– Ну, да, – подтвердил я. – Правда, на коньках давно не стоял, надо попробовать.

– Так это здорово! – расплылся в улыбке двухметровый бугай. – У нас через две недели встреча с командой из Темиртау, и, как всегда, проблемы нарисовались. Ты сам-то кем играл в команде?

– Как тебе сказать, – замялся я. – Чаще всего нападающим, иногда в полузащите. А сейчас понятия не имею, как получится, давно не тренировался, дышалка слабая, вряд ли девяносто минут потяну.

Да ладно, прибуднаться, – хлопнул Васек меня по плечу. – Сегодня к семи часам приходи сюда. Электрики, как раз освещение включают. Так, что можно весь вечер играть.

– Так у меня ни формы нормальной нет, ни коньков. – сообщил я.

– Ерунда все это, – заявил Васек. – Идем в контору, физорга нашего найдем, он тебе амуницию подберет. Ну, а вечером посмотрим, какой из тебя нападающий.

По скрипучему снегу мы быстро дошли до конторы, в которой я сегодня уже побывал. По пути предавался размышлениям, не повредит ли мне членство в хоккейной команде, ведь по легенде у меня в военнике написано, не годен к строевой службе.

Пока раздумывал над этой проблемой, следовал за Петровым, ведущим меня в самый дальний коридор конторы за мужской туалет, где на последней двери мелом была написано «физорг».

Васек не церемонился, с ноги открыв дверь. И нашим глазам предстала обширная лысина, наклонившаяся за письменным столом.

– Васька, мать твою! Напугал, – воскликнул круглолицый мужичок, лет сорока, подняв голову.

– Юрий Палыч, я нового игрока привел, ему надо амуницию выдать. – Петров сразу взял быка за рога.

– Вася, погоди, не части, давай с самого начала, кто, куда, откуда и зачем, – сообщил пришедший в себя физорг.

Но тут я сам вступил в беседу, чтобы быстрее ввести физорга в курс дела.

Через полчаса я выходил с потрепанным рюкзаком за спиной с коньками и прошитыми войлочными наколенниками и даже свитером с номером двенадцать. В руках же была выдавшая виды клюшка для хоккея с мячом.

– Вот видишь, – воскликнул Васек, когда мы вышли на улицу. – все нормалек, так, что вечером ждем тебя на катке.

– А что у вас физорг больше никем не работает? – спросил я.

– Ты чо! Юрий Палыч у нас главный агроном, а физорг это у него партийное поручение, – разъяснил мне спутник. – С весны до осени мы бы его хрен в конторе поймали.

– Саша, ты никак собрался на катке мячик гонять? – спросила хозяйка, увидев мои обновки.

– Собираюсь, Валентина Григорьевна, – ответил я.

Женщина сощурилась и с подозрением глянула на меня.

– А тебе здоровье позволяет, как сумасшедшему по льду носиться? – спросила она.

– Все ведь знают, самки собаки, – подумал я. – Ничего в деревне не утаить.

Но вслух бодро заявил:

– Ну, если для армии не годен, совсем не значит, что я в хоккее не могу играть.

– Ну, смотри, дело твое, – вздохнула женщина и занялась своими делами. Я, тем временем, вывалил на пол из рюкзака самопальные наколенники и коньки и с тоской глядел на поношенные ботинки с низким вырезом и приклепанные к ним полуканадки не точенные, наверно, с момента изготовления.

– Ну, правильно, а чего ты ждал, что сразу как в сборной страны коньки получишь. Но на таких коньках выходить на лед нельзя, голеностопам сразу будут кранты, – решил я и снова собрался в гараж.

– Саша, ну куда же ты? – воскликнула хозяйка. – Ночь отдежурил, и все бегаешь и бегаешь, время уже обеденное, сейчас Лида придет, так, что руки сполосни и садись за стол.

Лида, зайдя в комнату, наморщила носик.

– Мама, чем это у нас пахнет?

– А это, дочка, наш квартирант чудить начал. Собирается в хоккее играть за совхозную команду, это от его амуниции так несет, Копылов в своем складе все в кучу покидал, бутсы, коньки, форму спортивную. Хотя бы проветривал комнату иногда.

– Саша, ты действительно собрался играть в хоккей? – воскликнула девушка, подходя к умывальнику.

– Не знаю еще, – ответил я. – Схожу сегодня на смотрины, тренер посмотрит, скажет свое веское слово.

– Кто там тренер? Вовка Терещенко что ли? – возмутилась Валентина Григорьевна, – Что бы он понимал в хоккее. Его из команды областной вышибли, так он здесь с Копыловым скорешился. Не будет от него толку.

– Однако! У моей возможной тещи есть на все свое особое мнение, и ведь все обо всех знает, а вроде бы дома целыми днями сидит, – насмешливо подумал я.

После обеда я оделся, перекинул через плечо ботинки с коньками и направился в гараж.

А там уже все были в курсе моих проблем. Поздравления и подколки по поводу новой работы сыпались со всех сторон.

Я же отправился к кладовщице, намереваясь найти у нее кожу, чтобы подшить задники к ботинкам. И это вполне удалось, с Ангелиной Ильиничной, с которой я обменивался каждый день любезностями на заправке, мы были в отличных отношениях, а она работала еще и кладовщицей. Поэтому не пожалела времени, чтобы найти для меня хорошо выделанный кусок кожи.

Получив искомое, а также шило и дратву, я уселся в укромном уголке, где попытался хоть немного улучшить творение советских обувщиков. Получилось, конечно, так себе. Но все же несколько игр мои усовершенствования должны выдержать.

Коньки сам точить не взялся, а отдал их нашему слесарю инструментальщику Валере Бауэру. Тот за несколько минут привел их в божеский вид, но заметил.

– Сашка, не знаю, где Копылов надыбал эти коньки, но металл у них говно. Они даже одной игры не выдержат, снова точить придется.

Закончив с коньками, я с удовольствием посмотрел, как Федя Кёлер пыхтит под поднятым капотом газика. Сегодня ему повезло присобачивать вентилятор на печку. Начал он с утра, а время уже ближе к четырем пополудни. И судя по матам, несущимся из-под капота, получается у него пока хреново.

– *Давай, давай, работай*, – мстительно подумал я, – *Думаешь, в сказку попал? Фиг, тебе.* Придя, домой, снова попал под бдительное наблюдение Валентины Григорьевны.

– Сашенька, выпей киселька с булочкой, и приляг, отдохни. Тебе же еще сегодня на тренировку идти.

– Ой, Валентина Григорьевна, вы уж скажете, тренировка. Приду, покатаюсь полчаса, может, меня ваш Терещенко сразу домой отправит.

– Какой он мой! – обиделась женщина. – Он ничей алкаш. Все знают, его из команды области за пьянку поперли. А Юрий Павлович жалостливый человек приютил, сторожем на склад взял. Еще и Миллера уговорил, мол, Терещенко команду совхоза поднимет на небывалую высоту.

– Ну, и как, поднял? – спросил я.

Моя хозяйка в первый раз осеклась.

– Ну, как тебе сказать, – замылась она. – В прошлом году мы за второе место кубок получили.

– Значит, толк все же был?

– И все равно, он алкаш и нехороший человек, – заявила женщина вместе ответа.

Поставила на стол большую кружку со сливовым киселем, положила булку и ушла в свою комнату.

Опустошив кружку киселя и доев булку, я направился наверх, чтобы, действительно, пару часов поспать, но перед этим, на всякий случай, завел будильник.

Заснул буквально через пять минут. Но будильник мне не потребовался. Валентина Григорьевна звенела лучше любого будильника.

– Саша, просыпайся! Пора на тренировку! – сквозь сон донесся до меня её пронзительный голос с первого этажа.

Встав, я спустился вниз и начал собираться.

– Саша, можно я с тобой пойду? – неожиданно спросила Лида.

– Ну, пойдём, если тебе хочется смотреть на мой позор, – улыбнулся я.

– Почему позор? – удивилась девушка.

– Потому, что я несколько лет не стоял на коньках и понятия не имею, что у меня получится сегодня.

В итоге на каток мы пошли вдвоем.

К моему удивлению, на катке было людно. Народ хотел смотреть на своих героев. В основном присутствовали школьники, которых попросили освободить каток и молодежь, чуть постарше.

Никакой раздевалки пока не было, так что все игроки приходили в форме и надевали коньки, сидя на скамейке.

Вася Петров уже на коньках катался с клюшкой у края поля, подбрасывая мячик и выглядывая меня.

– Ага, явился, наконец! – воскликнул он, пытаясь понять, что за девушка пришла со мной.

А когда понял, то даже открыл рот от удивления. Однако, быстро пришел в себя и тайком поднял большой палец вверх, выразив, таким образом, свое восхищение.

Владимир Терещенко оказался молодым разговорчивым мужиком лет тридцати. Я напрасно искал на его лице следы алкоголизма. Наверно, они имелись лишь в воображении Валентины Григорьевны.

Имена и фамилии полутора десятка мужиков от 18 лет и до сорока я сразу не запомнил, кроме тех, с кем уже работал в гараже.

– Ну, что все собрались, – подвел итог Терещенко. – Сейчас проведем небольшую разминку, а после неё устроим небольшой матч реванш.

Глава 7

– Ну, не сапожник я, совсем не сапожник, – думалось мне, когда во время разминки мы нарезали круги по льду. Похоже, все мои старания по улучшению коньков улетели кошке под хвост. Задники на ботинках, старательно подшитые дратвой, начали жить самостоятельной жизнью, и похоже, без свежих мозолей с катка сегодня я не уйду.

Терещенко, катившийся вместе с нами, неожиданно остановил меня и спросил:

– Ефимов, ты, где такое уё. ще откопал, что за позорные коньки?

– Где, где, известно где, – буркнул я сердито, очень хотелось ответить в рифму и сказать, где, но, сдержался и признался, что коньками со мной поделился наш физорг.

– Понятненько, – протянул тренер. – Лады, сегодня уж откатайся на этих, а завтра что-нибудь придумаем.

Тренировку я закончил на час раньше своих товарищей. Поразить их своими способностями не удалось. В этой жизни, кроме редких визитов на каток во время учебы, на коньках я больше не стоял. И хотя мозг помнил, как надо, тело повиноваться отказывалось. Так что, падениям и позорным промахам по мячику был открыт немалый счет.

– Хватит на сегодня с тебя, – в конце концов, сжалился надо мной Терещенко. – Вижу, что соображаешь в игре, но работы впереди море. Ну, как, нет мыслей, бросить тренировки? Думаю, у тебя есть перспектива.

– Не брошу, – ответил я, опираясь на клюшку. – Завтра буду, как штык.

– Ну, и отлично, – завершил тренер разговор. – А я тебе завтра нормальные коньки постараюсь раздобыть.

Когда снял коньки, и надел свои войлочные боты, жизнь сразу заиграла яркими красками. В мягких ботах мозоли, практически не чувствовались.

Особой усталости тоже не было, но я подозревал, что завтра, болеть будет все тело, с головы до ног.

– Я даже не думала, что ты так здорово на коньках катаешься, – призналась Лида, когда мы шли в сторону дома.

Думая, что девушка шутит, я глянул на неё, ожидая увидеть улыбку. Но она говорила вполне серьезно.

– Лида, не смейся, я сегодня ужасно катался, видела же, сколько раз падал.

– Ну, и что. Все равно у тебя хорошо получалось. Сразу видно, что ты в хоккее не новичок, – заявила девушка абсолютно серьезно.

Озадаченный её словами, несколько минут я шел молча, переваривая то, что она сказала.

То ли, Лида действительно так считала, или решила подбодрить, так и осталось для меня на тот момент загадкой.

Мы с ней прогулялись до конца поселка, где остановились на пустой дороге и, я впервые поцеловал Лиду в пахнущие морозной свежестью губы.

Девушка меня не оттолкнула, а попыталась неумело ответить на поцелуй.

Коньки, висевшие на плече, помешали прижать ее ближе к себе.

Обратно мы шли молча, Лида взяла меня под руку и держала так, как будто боялась, что я куда-нибудь исчезну.

Валентина Григорьевна, как обычно, ждала нас у телевизора.

– Явились, голубки, – приветствовала она нас. – Ну, рассказывайте, как первая тренировка прошла?

– Сейчас переоденусь наверху, потом приду и расскажу, – ответил я и направился к лестнице, Настроение у меня, несколько поникшее после первой тренировки, после объа-

тий с Лидой поднялось на небывалую высоту. Я даже не ожидал, что девушка воспримет мои поцелуи, как должное.

Мда, по идее можно было бы уже перейти к более серьезным отношениям, но сделать это в нынешних условиях весьма затруднительно.

Валентина Григорьевна хоть и приветствовала наши отношения, но вряд ли позволила бы до свадьбы увести дочку наверх и предаться там разврату. Возможно, именно поэтому, нам с Лидой никогда не удавалось остаться дома вдвоем. Увы, мама оставалась на страже.

– *Ладно*, – сказал я сам себе. – *После Нового Года сделаю предложение, пора начинать семейную жизнь.*

– *И получать новые документы*, – дополнил внутренний голос.

За ужином Лида увлеченно рассказывала о моих успехах на льду, а мама с пониманием разглядывала ее слегка распухшие от поцелуев на морозе, губы. После ужина я поднялся к себе, Мозоли уже о себе не напоминали, но посмотреть на них все захотелось. Усевшись на стул, начал снимать носки, при этом на пол упал какой-то мусор.

Приглядевшись, понял, что это высохшие кусочки эпидермиса с мозолей, от которых уже не осталось и следа.

– *С одной стороны хорошо, что регенерация работает, с другой стороны, не дай бог, если получу приличную травму, вопросов будет море*, – подумал я, сметая остатки мозолей в совок.

И как в воду глядел.

Утром, когда мы уселись завтракать, и я потянулся за ножом, чтобы отрезать хлеба, Лида удивленно воскликнула:

– Саша, у тебя ссадина на руке пропала. Я еще вечером ее заметила, она совсем свежая была.

Улыбнувшись, я ответил:

– Да на мне, все, как на собаке заживает. Так, что ничего удивительного не случилось.

Тем не менее, Лида чуть ли не обнюхала мое запястье. Валентина Григорьевна наблюдала за нами со снисходительной улыбкой. Мол, все идет по плану. Скоро ее единственную дочку позовут замуж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.